

МОЙ ЛЮБИМЫЙ ШОТЛАНДЕЦ

18+

ЛИГА
ВЫДАЮЩИХСЯ
ЖЕНЩИН

ЭВИ ДАНМОР

«Каждый, кто запоем читал и смотрел “Бриджертонов”,
обязан обратить внимание на Эви Данмор».

COSMOPOLITAN

Лига выдающихся женщин

Эви Данмор

Мой любимый шотландец

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Данмор Э.

Мой любимый шотландец / Э. Данмор — «Эксмо»,
2021 — (Лига выдающихся женщин)

ISBN 978-5-04-172967-7

Идеально для фанатов «Бриджертонов» и «Книжных хроник Анимант Крамб». Роман года по версии Publishers Weekly. Суффражистка Хэтти Гринфилд – дочь банковского магната и наследница огромного состояния. Она мечтает выйти замуж за молодого и прогрессивного лорда и стать великой художницей. Увы, судьба (родители) решают иначе и Хэтти оказывается у алтаря с прагматичным финансистом Люцианом Блэкстоуном. Он – темная лошадка с неприглядным прошлым, но неожиданная поездка меняет все. Хэтти ближе узнает Люциана и понимает, что за шотландской чопорностью скрывается совсем другой лорд Блэкстоун. Может однажды она даже назовет его любимым? «Эви Данмор написала историю, которая нужна нам прямо сейчас». – Лисса Кей Адамс «Вот как надо писать исторические романы!» – Publishers Weekly «Захватывающий любовный роман, ставки в котором высоки, а концовка – самая прелестная из всех, что встречались мне за последние годы». – Анна Кэмпбелл

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-172967-7

© Данмор Э., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	27
Глава 6	36
Глава 7	41
Глава 8	49
Глава 9	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Эви Данмор

Мой любимый шотландец

Evie Dunmore

PORTRAIT OF A SCOTSMAN

Copyright © 2021 by Evie Dunmore

© Целовальникова Д., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство Эксмо», 2022

* * *

Посвящается маме и бабушке

Глава 1

Лондон, август 1880 года

Переминаясь с ноги на ногу на мокром тротуаре перед особняком в Челси и потев под шерстяным плащом, Хэтти Гринфилд невольно вспомнила последний раз, когда удрала от своего личного охранника. Все закончилось потасовкой с вредным полисменом, а ее близкая подруга угодила в тюрьму Миллбанк. Пожалуй, с побега от сурового мистера Грейвса начинались все самые опасные приключения. Впрочем, как и самые интересные.

Хэтти осмотрела лакированную дверь на верху лестницы. Бронзовый молоток в виде львиной морды с кольцом в зубастой пасти недвусмысленно предупреждал, что здесь находится логово зверя, и особа суеверная наверняка бы поостереглась. Однако на сей раз приключение не было столь рискованным, как марш за права женщин на Парламентской площади, – всего лишь экскурсия по частной художественной галерее. Совершенно безопасно!

Хэтти подхватила юбки и заспешила вверх по ступенькам.

Подруги напомнили бы ей, что галерея принадлежит мистеру Блэкстоуну – человеку, которого общество окрестило Вельзевул, к тому же конкуренту ее отца; и что любоваться его коллекцией прерафаэлитов без надлежащего сопровождения молодой девушке нельзя. Однако, во-первых, хозяина картин наверняка нет дома: на самом деле мало кто видел его во плоти. Во-вторых, Хэтти записалась на экскурсию как мисс Джонс, изучавшая классическую филологию в Кембридже, а не Хэрриет Гринфилд, студентка художественной школы в Оксфорде и наследница банковского магната. В-третьих, на экскурсию по галерее, полной картин и антиквариата, позвали целую группу юных ценительниц живописи, которые наверняка придут с компаньонками. Если верить приглашению в ридикюле Хэтти, она и так уже заставила их ждать: мероприятие началось ровно в два часа, и маленькие карманные часики едва не прожгли дыру в ее корсаже.

Похоже, глухой стук дверного молотка никто не услышал. Хэтти позвонила в колокольчик.

Тишина.

Мокрая туфелька под полой простого шерстяного плаща принялась нетерпеливо притопывать. Наверное, экскурсию начали без Хэтти. Невдалеке от вокзала Виктория она выбралась из кэба, безнадежно застрявшего в заторе, и отважно прошагала под дождем оставшуюся четверть мили. Неужели все напрасно? Стук металла по дереву стал настойчивее.

Или она опять напутала? Хэтти порылась в складках плаща, ища ридикюль, и достала приглашение. Она посмотрела на указанный адрес, потом снова оглядела особняк. Все верно: номер двенадцать, площадь Карлайл. Площадь маленькая, и вряд ли здесь есть дом под номером двадцать один. Девушка снова постучала.

Внезапно тяжелая дверь распахнулась.

Открыл вовсе не дворецкий, а растрепанный мужчина с редкими седыми волосами в заляпанном красками фартуке. От него исходил едкий запах... восковой полироли? Стараясь не глазеть слишком пристально, Хэтти попыталась вспомнить, не встречала ли это длинное морщинистое лицо среди знакомых художников. В отличие от нее мужчина не церемонился: сначала поискал взглядом отсутствующую компаньонку, потом пристально изучил и ее саму от промокшего подола плаща до вьющихся рыжих волос.

- А вы кто будете? – спросил он, растягивая слова.
- Я на экскурсию.
- На экскурсию? – В его глазах мелькнуло понимание.
- Да.
- Ясно.

Тонкие губы насмешливо скривились.

– Понятно.

Хэтти переступила с ноги на ногу.

– Боюсь, я немного опоздала. Видите ли, я приехала издалека, а моя компаньонка... заболела, потом на Лайалл-стрит я угодила в затор – из-за дождя все улицы забиты...

– Что ж, проходите, – сказал он и отступил в сторону, махнув рукой.

Сердит, как и все мужчины-художники, которых отрывают от работы.

Хэтти огляделась в поисках горничной, чтобы отдать плащ, однако холл был совершенно пуст. У нее возникло неприятное предчувствие, но пропахший полиролью мужчина уже удалялся, и торопливые шаги эхом отдавались в мощенном черно-белой плиткой холле.

– Сэр! – Она поспешила следом, переступая хлюпающими туфельками.

Они свернули в темный коридор. Слева манил взгляд ряд изящных статуй и ваз, но Хэтти пришлось сосредоточить все внимание на том, чтобы не поскользнуться на мокрых каблучках. Мужчина остановился и открыл дверь, жестом приглашая девушку войти. Она помедлила на пороге: хотя в комнате горел яркий свет, никакой группы там не было и в помине. Вообще никого! Художник нетерпеливо щелкнул пальцами, указывая на ближайшую козетку.

– Ну же, садитесь.

Даже издалека Хэтти разглядела, что диванчик был времен Людовика Четырнадцатого, и ее мокрый плащ непременно испортил бы шелк цвета сливочного масла.

– Не могли бы вы прислать кого-нибудь за моим плащом, мистер?..

Художник склонил голову в насмешливом поклоне.

– Скоро к вам подойдут.

– Сэр, я должна у вас спросить...

Дверь закрылась прямо перед ней, и Хэтти изумленно моргнула, глядя на белую деревянную панель.

– Ясно, – вздохнула она.

В наступившей тишине сердце громко стучало в ушах. По спине текли струйки теплого пота. *Опасность*, твердила интуиция. *Владька преисподней!* Так выразилась ее подруга Люси, выяснив, что недавно ее жених, лорд Баллентайн, одолжил у мистера Блэкстоуна денег на покупку издательства...

Хэтти попыталась улыбнуться.

– Приключение, – сказала она себе, – просто чудное приключение.

Хэтти повернулась лицом к комнате. Настоящее логово пирата! Сокровища громоздятся грудями, каждая полка и столик уставлены великолепными вещицами: блестящие фарфоровые парочки – мейсенский фарфор, если быть точной, – бело-золотые статуэтки филигранной работы, шкатулочки со скругленными углами, искусно вырезанные из нефрита всевозможных оттенков. Некоторые экспонаты освещались маленькими лампами с керамическими абажурами, причем настолько тонкими, словно сделаны из шелка. Стена напротив оклеена обоями с великолепными цветами по эскизам Уильяма Морриса – пустая трата денег, учитывая, что пространство от пола до потолка плотно завешено картинами в золоченых рамах.

– О боже! – тихонько рассмеялась Хэтти.

Кранах Старший, художник эпохи Ренессанса, висел рядом со сценой пикника в духе Моне. По сути, это куда интереснее, чем прерафаэлиты. К стыду Хэтти, больше всего ее сейчас манил горящий камин. Осторожно пробираясь мимо уставленных экспонатами пристенных столиков, она задела плащом фарфоровую балерину на острых пуантах, и та опасно закачалась. Господи! Какой бес вселился в мистера Блэкстоуна или в зрителя его коллекции, если он свалил без разбора в кучу эти драгоценные вещицы, словно гостей на небрежно организованном приеме, да еще в зале, открытом для посетителей?

Исходившее от камина тепло согревало слабо. Не менее разочаровало Хэтти и ее отражение в зеркале над каминной полкой: мокрое лиловое перо на шляпке напоминало крысиный хвост, шелковистые кудри растрепались, вздернутый носик покраснел. Если короткая прогулка так отразилась на лице, каков же ущерб, нанесенный туфелькам? Она высунула ножку из-под плаща. Изящные каблукы, вышитый крошечными жемчужинками белый шелк. Совершенно неподходящий выбор для подобной вылазки, зато любимые. Похоже, туфли восстановлению не подлежат. Сердце Хэтти упало.

Во всем виноват профессор Раскин! Если бы он не назвал ее картину «Похищение Персефоны» *преlestной*, то Хэтти не села бы этим утром в поезд. С тех пор как в прошлом году она поступила в Оксфорд, этот эпитет звучал слишком часто. Профессор бросил его, проходя мимо, и дружески кивнул, затем остановился возле мольберта лорда Skeffingtona и провел подробный разбор ошибок, а Хэтти стояла, напрягая слух, и внимала, как усилить в картине готичность. Так или иначе, идея хорошенько рассмотреть «Офелию» Джона Миллеса, которую мистер Блэкстоун прятал в своей коллекции, пустила корни именно на том занятии. Возможно, также сыграло роль и крошечное искушение проникнуть во владения Блэкстоуна – единственного человека во всей Британии, кто осмелился оставлять без ответа приглашения на ланч от ее отца.

Внимание Хэтти непроизвольно переключилось на две зеленые пузатые вазы по бокам часов на каминной полке. На фоне роскошных экспонатов коллекции они казались ничем не примечательными и невзрачными, словно бедные родственники на пышном балу, и все же... Всмотревшись в выпуклый рисунок на ближайшей вазе, девушка прищурилась. По шее пробежал холодок – перед ней была настоящая диковинка. И все же трогать ее не следовало... Хэтти стянула с левой руки перчатку, сунула в карман плаща и коснулась рисунка на ободке. Если повезет – если она осмелится проверить, то на дне есть отметка, которая подтвердит ее подозрения.

Размышляла девушка недолго. Она взяла вазу обеими руками, держа осторожно, словно сырое яйцо, и перевернула вверх ногами. Вот и отметка. Тонкие волоски на теле встали дыбом. Несомненно, ваза принадлежит эпохе Хань! Если подлинная, то ей около двух тысяч лет. Ладони Хэтти миготом вспотели.

– Лучше не надо, – раздался хриплый мужской голос.

Хэтти вскрикнула и прижала вазу к груди. Взглянув в зеркало, она содрогнулась. Пират вернулся в свое логово.

Она так увлеклась, что ничего не видела и не слышала. Похоже, он наблюдал за ней некоторое время, прислонившись плечом к дверному косяку и сложив руки на широкой груди. Хэтти медленно обернулась, чувствуя, как у нее внутри все сжимается. Конечно, он не пират, но и не джентльмен: ни сюртука, ни галстука, закатанные рукава обнажают мускулистые руки. Непокорные черные как смоль волосы слишком длинные, на подбородке – щетина. Больше всего выдавали его глаза – они смотрели на девушку так пристально, что она невольно поджала пальцы в мокрых чулках.

– Я просто... – Ее голос дрогнул.

Он закрыл дверь. Хэтти сжала вазу крепче. Вероятно, его прислали ее проводить, но нервы девушки звенели, как натянутые струны, умоляя бежать. Он шел к ней плавно, слишком плавно, и ни один из хрупких экспонатов даже не звякнул. Хэтти застыла, словно кролик перед удавом, не в силах оторвать глаз.

Выглядел незнакомец весьма колоритно: на бледном лице серые, как сланец, глаза, брови и ресницы чернильно-черные. Черты лица весьма мужественные, хотя идеальную симметрию слегка нарушал сломанный нос. Возраст навскидку не определишь, и все же сразу ясно, что этот мужчина многое повидал.

Удерживая на девушке пристальный взгляд, он сунул два пальца в горлышко вазы, которую Хэтти все еще прижимала к себе, словно воришка, застигнутый на месте преступления.

– Отдайте, – сказал он.

Хэтти молча выпустила вазу, вспыхнув до корней волос. Конечно, она выросла с братьями, да и в колледже училась вместе с мужчинами и совершенно не смущалась в их присутствии. Но когда незнакомец поставил вазу обратно на каминную полку, от него соблазнительно пахло хвойным мылом и накрахмаленной сорочкой – неуместное сочетание ароматов, которое никак не вязалось с обликом пирата, – и теперь Хэтти не знала, куда девать глаза. Она прекрасно осознавала, что этот человек – мужчина. Чуть выше среднего роста, мягкая хлопковая ткань обтягивает мощные плечи, подчеркивая бугристые мускулы, каких у джентльменов не увидишь. Он склонил голову, Хэтти украдкой посмотрела на его лицо, и взгляды их встретились. Слева верхнюю губу незнакомца разрезал тонкий шрам. Во рту у Хэтти пересохло. Благодаря игре света его радужка стала на пару оттенков темнее.

– Это вышло случайно, – чопорно проговорила она.

На его лице промелькнуло ироничное выражение, ничуть не смягчившее жесткую линию рта.

– С кем имею честь, миссис?..

– Мисс. Меня зовут мисс Джонс.

Голос Хэтти прозвучал неестественно высоко, и незнакомец тут же распознал ложь. Взгляд его понимающе сверкнул.

– С какими же намерениями вы здесь, мисс Джонс?

Судя по акценту – шотландец. Букву «эр» произносит с мягким рычанием. Тогда понятно, откуда у него типично кельтская внешность – светлая кожа и темные волосы... Еще интереснее то, что от его тела так и пышет жаром – гораздо сильнее, чем от углей в камине. Незнакомец стоял слишком близко.левой рукой он все еще опирался на каминную полку возле плеча девушки, блокируя путь к отступлению.

Хэтти нервно облизнула губы. Какие же у нее намерения?

– Экскурсия по галерее...

Его плечи едва заметно напряглись.

– Вы уверены?

– Конечно, и я была бы очень обязана, если бы вы...

Он поднял руку и провел кончиком пальца по скуле Хэтти.

Ее коснулся *мужчина!* Хэтти замерла. Надо закричать, ударить его по лицу. Но тело ее не слушалось – она застыла неподвижно, чувствуя, как воздух между ними потрескивает от напряжения, словно вот-вот произойдет нечто грандиозное.

Серые глаза незнакомца были мягкими и опасными, как дым.

– Что ж, – прошептал он, – сейчас я устрою вам экскурсию, мисс Джонс!

Он обхватил ее затылок крепкой ладонью и накрыл ее рот своим...

Глава 2

Какие мягкие у него губы! Оцепеневшая Хэтти ощущала лишь прикосновение чужого теплого, влажного рта, колючей щетины, настойчивого языка, стремящегося проникнуть между ее губ... Дернув головой, она вскинула руку и вlepила незнакомцу звонкую пощечину. Удар прозвучал, словно выстрел.

Голова незнакомца мотнулась в сторону, и девушка запоздало вскрикнула. Он вздрогнул, изменился в лице и сощурился.

– Похоже, мадам такие экскурсии не интересуют, – хмуро заметил незнакомец.

С бешено колотящимся сердцем Хэтти отскочила от него подальше.

– Не трогайте меня!

Юбка за что-то зацепилась – на паркет упала какая-то вещица и разбилась вдребезги. Левая нога девушки подвернулась, лодыжку пронзила острая боль. Хэтти вскрикнула.

Мужчина выругался сквозь зубы и бросился к ней.

– Не подходите!

Он не внял – мускулистые плечи надвигались. Хэтти торопливо оглянулась – до двери недалеко. *Помощь...* Кого звать на помощь в этом огромном, пустом особняке?

Снова что-то с грохотом упало.

– Мисс!..

Она не глядя схватила с ближайшего столика какой-то предмет и направила на незнакомца, как рапиру.

– Стойте там, где стоите, или я проткну вас этой штукой!

Теперь он ее слышал. Не сводя глаз с импровизированного оружия, мужчина резко остановился и медленно поднял руки ладонями вперед, словно успокаивая испуганную лошадь, – можно подумать, это Хэтти повредила рассудком, а не он!

– Ладно, только положите ее.

Девушка осознала, что сжимает в руке фигурку балерины, которую едва не сшибла ранее.

– Статуэтка уникальна, – добавил мужчина.

– Знаю, – заявила Хэтти. – Мейсенский фарфор, ограниченный выпуск тысяча семьсот четырнадцатого года.

В его глазах вспыхнуло удивление.

– Тогда вы должны знать, что не стоит уничтожать ее в припадке наигранного негодования.

– Наигранного?! – задохнулась Хэтти. – Вы, сэр, на меня накинулись!

– Прискорбное недоразумение, – признал он без капли сожаления.

Она погрозила ему балериной.

– Мистер Блэкстоун непременно услышит о вашем дурном поведении!

Его губы изогнулись в улыбке.

– Несомненно. Мисс Джонс, вам лучше присесть, – проговорил он, указав на подол ее юбки, – похоже, вы нанесли себе небольшое увечье.

Он не имел права ни указывать, ни намекать на части ее тела, однако без оскорбления явно обойтись не мог – конечно, ему надо было упомянуть вывихнутую лодыжку! Да и смотрел он на Хэтти с нарастающим раздражением, словно хищник, недоумевающий, почему добыча им помыкает.

Хэтти двинулась к двери бочком, как краб, прихрамывая на левую ногу и стараясь не упускать незнакомца из вида. Вырвавшись в коридор, она вздохнула с облегчением: всего в нескольких шагах стоял сердитый художник и тщедушный молодой блондин с вполне респектабельными усами. Лица у обоих были встревоженные.

– Слава богу! – Хэтти захромала к ним навстречу. – Мне требуется помощь. Тот мужчина... – Она указала большим пальцем через плечо. – Боюсь, он ведет себя не как джентльмен!

Мужчины обменялись настороженными взглядами. И тогда Хэтти сообразила, что они наверняка слышали ее крик, иначе почему еще оказались возле двери? И все же врываться внутрь не стали. Сердце ее упало, голова пошла кругом. Конечно! Выглядит она как растрепанное пугало, пришла без охранника, плащ для маскировки взяла в детской из старого сундука с театральным реквизитом. Сейчас никакая она не Хэтти Гринфилд и даже не опекаемая должным образом приличная девушка. Без имени отца, надежно укрывавшего ее от неприятностей, словно щит, она ощутила себя голой перед толпой. Сейчас она никто!

Хэтти повернулась к блондину, который, несмотря на свою тщедушность, выглядел чуть более способным помочь девушке в беде, чем художник.

– Сударь, мне потребуется ваша рука, чтобы опереться.

Внимание молодого человека переключилось на кого-то у нее за спиной, и Хэтти поняла, что накинувшийся на нее дикарь вышел в коридор. Она так и чувствовала потоки клубящейся вокруг него темной энергии.

– И будьте добры, поймайте мне кэб, – поспешно добавила она.

– Не так быстро, – раздался язвительный голос.

– Также сообщите мистеру Блэкстоуну, что его слуга – негодяй, который нагло пристает к гостям своего хозяина прямо в доме!

В глазах блондина проступила тревога.

– Э-э, – протянул он, и его кадык нервно подпрыгнул. – Мисс...

Сообразив, в чем дело, Хэтти жалобно ахнула и прикрыла глаза.

– Неужели мистер Блэкстоун стоит у меня за спиной? – спросила она.

– Ну да, это он и есть, – извиняющимся тоном ответил молодой человек.

Порой Хэтти вела себя как дурочка. Оpoznать шотландца следовало еще в тот момент, когда он прошествовал через приемную с хозяйским видом, самое позднее – когда накинулся на нее возле вазы династии Хань. Все ужасы, которые про него рассказывают, – чистая правда!

Тут Хэтти ощутила рывок и спохватилась, что все еще сжимает в руке фигурку балерины. В любом случае толку от нее никакого.

Перед лицом Хэтти маячила брутальная физиономия Блэкстоуна, не сводившего с нее цепкого взгляда. В правой руке он стиснул статуэтку, причем хрупкая балерина помещалась в кулаке почти целиком. *Настоящий Вельзевул!* Один из самых богатых, самых безжалостных, скандально известных дельцов в Англии и, если верить слухам, виновник финансового краха нескольких пэров. Внешность у него соответствующая – начиная с безрадостных глаз и сломанного носа до бычьей шеи и крепко сбитого тела. Наверняка любитель пометать наковальню из спортивного интереса. Мало кто знал, как он выглядит; Блэкстоун был неуловим, словно призрак. И она его поцеловала! Кожу Хэтти обдало жаром. Отец точно отправит ее в монастырь...

В глазах Блэкстоуна промелькнуло понимание, и складка между его бровями разгладилась. Он отступил на шаг и склонил голову.

– Блэкстоун, к вашим услугам. Мой помощник, мистер Ричард Мэтьюс.

Не сводя глаз с Хэтти, он передал статуэтку блондину. Представлять сердитого художника хозяин не стал.

– Мисс Джонс, – чопорно ответила Хэтти.

– Как скажете.

Шотландский акцент исчез, но сарказм никуда не делся. Всего за несколько минут знакомства с Блэкстоуном Хэтти поняла: пожалуй, это наименее уважаемый мужчина из всех, с кем ей доводилось встречаться. И он знает, что она лжет. Нужно поскорее уходить, пока он не выяснил, кто она такая, иначе о злосчастной экскурсии непременно узнает отец.

– О какой экскурсии идет речь, мисс Джонс? – осведомился хозяин.

Она лишь покачала головой. Блэкстоун прищурился.

– Пожалуй, мне пора. Не хочу и дальше вас обременять, – попыталась уйти от ответа Хэтти. Если бы не большая лодыжка, узкие юбки и испорченные туфельки, она ринулась бы прямо к выходу.

Ричард Мэтьюс смущенно хмыкнул.

– Боюсь, экскурсию, о которой вы говорите, отменили.

Блэкстоун резко обернулся к помощнику, словно услышал об этом впервые, Мэтьюс пожегся, а Хэтти вздохнула с облегчением.

– Так все-таки экскурсия была? Я уже начала думать, что она – плод моего воображения.

Мэтьюс старался не смотреть своему работодателю в глаза.

– Была. Я еще вчера разослал уведомления об отмене. Из-за дождя протекла крыша галереи и пострадало несколько картин.

– Надеюсь, «Офелия» цела?

Все трое посмотрели на девушку с недоумением.

– Я пришла взглянуть на прерафаэлитов, – пояснила она для мистера Мэтьюса. – Особенно на «Офелию».

– Да-да, «Офелия» в прекрасном состоянии, – поспешно заверил тот.

Пострадавшие от дождя картины вполне объясняют присутствие маячившего за спиной Блэкстоуна художника – наверное, он реставратор. Однако это ничуть не оправдывает того, как грубо с ней обошлись. Единственное разумное объяснение заключается в том, что ее приняли за одну из многочисленных любовниц Блэкстоуна. Хэтти резко побледнела.

Мэтьюс поправил узел галстука.

– Примите мои глубочайшие извинения, мисс Джонс. Вероятно, на почте произошла путаница.

– Не переживайте, всякое случается. – Хэтти выдавила улыбку, чтобы сгладить неловкость. Насколько она знала, почтовая служба ее величества работала как часы. Однако уведомление об отмене отправили сообщнице девушки в Кембридж, а та, в свою очередь, вероятно, не озаботилась сообщить об этом Хэтти. Кроме того, Хэтти впопыхах позабыла заглянуть в свой ящик для корреспонденции в Оксфорде и забрать почту, поскольку все ее мысли были заняты тем, как удрать от мистера Грейвса.

– Мэтьюс, – отрывисто бросил Блэкстоун, – вели Николасу отвезти мисс Джонс домой.

Хэтти отступила на шаг.

– Благодарю, не стоит.

Он смерил ее мрачным взглядом.

– Еще как стоит.

Мэтьюс уже спешил по коридору, перебирая тощими ногами.

– Вы слишком добры, – сказала Хэтти. – Остановить кэб я могу и сама.

– Мой экипаж удобнее, к тому же ожидает на заднем дворе.

Она покачала головой, чувствуя, как сердце снова забилося неприятно быстро.

– Не хочу доставлять вам неудобств, сэр.

– Тогда буду откровенен, мисс Джонс, – процедил он. – Возможно, это прошло мимо ваших нежных ушей, однако у меня определенная репутация. – Он указал кивком на ее расстрепанный наряд и прическу. – И если вам дорога́ ваша, то лучше не выходить из дверей моего дома без надлежащего сопровождения.

Хэтти не думала, что покраснеет еще сильнее, но ей это удалось. Что может быть унижительнее для юной девушки, чем выслушивать нотации от неотесанного мужлана, вдобавок вполне заслуженно? Она задрала нос.

– Ладно.

Блэкстоун обнажил в улыбке неожиданно крепкие, белые зубы. Левый клык был сильно сколот, верхнюю губу пересекал длинный шрам. Не сводя с девушки пристального взгляда, он принялся опускать закатанные рукава, запоздало вспомнив о приличиях. Смятый хлопок и отсутствие манжет вокруг запястий произвели обратный эффект – вероятно, так выглядел бы мужчина, который поспешно одевается после тайного свидания. У Хэтти перехватило дыхание, и она посмотрела в сторону. Губы все еще трепетали от поцелуя, рука болела после пощечины, лодыжку жгло словно огнем. Она готова была покинуть злосчастный особняк даже верхом на осле, лишь бы убраться отсюда поскорее.

Глава 3

Экипаж с рыжеволосым грузом влился в поток лондонского транспорта, и по спине Люциана Блэкстоуна пробежал холодок предчувствия. Странно, ведь он давно перестал верить в судьбу и предпочитал ковать свое будущее сам.

– Одна из дочерей Гринфилда, не так ли?

Он сообразил уже в коридоре, когда девица наконец прекратила размахивать руками, визжать и разбивать антиквариат. Что ж, теперь ясно, почему у него заняло под ложечкой, – чувство, знакомое любому вору, заметившему нечто ценное.

– Полагаю, что да. – Мэтьюс нервничал больше, чем обычно. – Рыжие волосы, невысокая, фигуристая...

– Мэтьюс, я не слепой! Теперь вы. – Он повернулся к Ренвику, который болтался с ними на задней лестнице, вместо того чтобы вернуться к работе. – Почему вы решили, что она пришла сюда потрахаться?

Ренвик почесал в затылке.

– Девушка была без сопровождения.

– Это необходимое, но вовсе не достаточное условие, дурачина!

– Насколько я понимаю, дамы время от времени к вам заглядывают, чтобы покувыркаться...

– Посреди бела дня? – ощерился Люциан. – К тому же с парадного входа? Запомните, Ренвик: даже если сама вавилонская блудница постучится в мою дверь, не вздумайте пускать ее в дом!

Он редко растягивал гласные звуки на шотландский манер, однако сегодня на него что-то нашло: слово «блудница» прозвучало весьма протяжно и смачно. Мэтьюс неловко переступил с ноги на ногу.

– Она подняла шум, – упрямо твердил Ренвик. – Ломилась в дверь так, словно по пятам гнался целый полк головорезов.

Художник содрогнулся всем тощим телом – лишнего шума он терпеть не мог. Люциан прищурился, и Ренвик поспешно пробормотал:

– Ладно, никаких посетителей.

– Отлично, – сказал Люциан, решив этим и ограничиться: хотя Ренвик и способен по неосторожности напустить в дом шпионов, благодаря своему таланту он был лучшим из всех лондонских мастеров, кто в силах незаметно восстановить пятисотлетние полотна. Дверь за угрюмым художником захлопнулась, и Блэкстоун снова повернулся к Мэтьюсу. – И когда же я дал разрешение на экскурсии по своей галерее?

Казалось, помощник готов ринуться наутек.

– Два месяца назад, сэр. Наряду с другими мерами, которые вы одобрили, чтобы э-э... улучшить свою репутацию.

– Два месяца?! – Воспоминание промелькнуло, и он вспомнил список. Мэтьюс преподнес его в тот момент, когда Люциан приходил в себя после недельного запоя, пребывая в весьма мрачном настроении и мучаясь головной болью. – Мэтьюс!

Глаза слуги тревожно округлились.

– Да, сэр.

– Интересно, каким образом разгуливающие среди моей коллекции богатеи добавляют мне популярности в палате общин?

– Филантропия – извилистый путь, – проговорил Мэтьюс, поглаживая усы. – Это стратегия постепенных изменений, включающая множество мероприятий, вроде открытия доступа к вашим коллекциям, покровительство художникам...

– Я знаю, что такое филантропия! Убери из списка все, что касается визитов посетителей. Поймай нам кэб до Белгравии и подумай хорошенько. Я хочу разузнать об этой девице Гринфилдов все.

Две мили до городского особняка тянулись долго – мокрые улицы были усыпаны мусором из водосточных труб и переполненных канав, повозки и экипажи загромождали путь, вместо того чтобы двигаться друг за другом. Окна кэба запотели, внутри пахло сыростью. Жаль, что чистая, управляемая умелым кучером карета в настоящий момент везла домой своенравную наследницу.

Мэтьюс сидел напротив, сосредоточенно сдвинув брови.

– Если это средняя дочь, то ей около двадцати – в любом случае она еще несовершеннолетняя.

– Уже помолвлена? Я знаю, что старшая замужем.

Мэтьюс покачал головой.

– Насколько мне известно, официально ее руку никому не обещали. Надо полагать, именно ей Гринфилд разрешил посещать Оксфорд – одна из его дочерей проходит обучение у Раскина.

Значит, женщина нового типа – женщина с собственным мнением. Синий чулок.

В таком случае прогулки в одиночку и идиотская выдумка про экскурсию вполне могут оказаться правдой. Непонятно лишь, зачем она вырядилась в чудной старый плащ. Люциан поймал себя на том, что водит по нижней губе указательным пальцем, словно отыскивая следы, оставленные ее мягким ртом. Очень мягким. Вкус у нее сладкий, с ноткой чая с сахаром и ароматом дождя. Он и сам пропитался этим запахом – стоило пошевелиться, и тут же вновь пахло розами. Ему следовало понять сразу, что Ренвик на ее счет ошибся – в круглых карих глазах девушки не было ни искушенности, ни лукавства. Или же он это понял и поддался соблазну: после стольких лет Люциана все еще манили драгоценные вещи.

– Гринфилд глупец, раз не держит ее в строгой узде, – заметил он скорее себе, чем Мэтьюсу, но помощник, как всегда, услужливо кивнул.

Видимо, у Джулиана Гринфилда, основателя крупнейшего в Британии банка, принадлежащего одной семье, есть и другие заботы, кроме как присматривать за потомством. У магната сейчас изрядные трудности с портфелем ценных бумаг в Испании – молодой король затеял новую банковскую реформу. Вдобавок несколько лет назад его почти вытеснил из испанского железнодорожного сектора банк братьев Перье. Люциан подозревал, что именно поэтому Гринфилд прислал ему целых два приглашения на деловой ланч, хотя прежде они не встречались. Сам Люциан давно сократил свою деятельность в испанском секторе, за исключением нескольких вложений. Он все еще владел тридцатью процентами акций в железнодорожном концерне «Пласенсия – Асторга», и Гринфилд наверняка об этом пронюхал. *Что ж, продажа последних крупных инвестиций в Испании может способствовать успеху его миссии.*

– Напомните, Мэтьюс, что еще числится в вашем списке добрых дел?

Помощник напрягся, словно нерадивый школьник, которого вызвали к доске. Иногда тридцатилетний Люциан забывал, что Мэтьюсу – тридцать один. В лучшие для слуги дни хозяин с ним рядом чувствовал себя глубоким стариком.

– Я посоветовал вам не скрывать своего имени, занимаясь благотворительной деятельностью, – напомнил Мэтьюс. – К примеру, без вашей финансовой поддержки больница в Йорке прекратила бы существование. Имя ее покровителя следует обнародовать до конца сезона.

Люциан фыркнул.

– Мое черное имя вряд ли пойдет больнице на благо.

– Именно поэтому я так тщательно подобрал подходящие пункты: поскольку помощью заведения пользуются лишь неимущие, разве станут сильные мира сего возражать?

Не станут, ведь им плевать на больницу, которая лечит отбросы общества.

– Ладно, – кивнул Люциан. – Раскрой мое имя.

Мэтьюс выглядел довольным. Похоже, список заметно сократился после отмены визитов в галерею и тому подобных мероприятий. Вернувшись в Белгравию, он наверняка уйдет в свою комнату и будет наигрывать на флейте одну и ту же мелодию, как делает всегда, чтобы успокоить нервы.

Подход Мэтьюса не лишен смысла, однако Люциан подозревал, что тот окажется неэффективен и принесет одни хлопоты. За последние месяцы он и так изменил своим привычкам – продал несколько векселей менее одиозным кредиторам, чем он сам, и даже простил один долг – поступок с его стороны совершенно беспрецедентный. Пока это не принесло никаких плодов вроде приглашения в кулуары министерства финансов.

– Сэр, кое-что может оказать на вашу репутацию незамедлительное и благоприятное воздействие, – проговорил Мэтьюс.

– Я весь внимание.

Помощник смотрел скорее в точку рядом с его плечом, нежели в глаза.

– Перестаньте мучить графа Ратленда.

При звуке ненавистного имени грудь Люциана будто сковало льдом.

– Ни за что, – негромко проговорил он.

Губы Мэтьюса побледнели, и Люциан вновь посмотрел в грязное окно. Подобные хлюпки с их чертовыми сантиментами действовали ему на нервы. Впрочем, он готов был поспорить, что Мэтьюс тоже питает к нему неприязнь. Четвертый сын барона, Мэтьюс занимал в иерархии пэров самое низкое положение и прозябал в благородной нищете, однако считал себя человеком высшего сорта. Он упрямо придерживался аристократических привычек и носил жилет, сюртук и брюки разных цветов, и на его шарфах красовался семейный герб. Он вставлял негромкие замечания на латыни, а его длинные тонкие пальцы в жизни не держали ничего тяжелее чертовой флейты или колоды проигрышных карт. Мэтьюс ненавидел выполнять приказы такого выскочки, как Люциан, хотя тот и вытащил его из вонючей камеры в долговой тюрьме.

С большими проволочками они наконец добрались до резиденции в Белгравии. Кабинет встретил Люциана прохладной тишиной – побочный результат заложенных кирпичом окон. Лампы на стенах ожили, заливая тускло-желтым светом краски персидских ковров и стопки научных журналов, высившихся почти до потолка. Газовое освещение давало слишком мало света, к тому же изрядно коптило. Люциан подошел вплотную к огромной экономической карте во всю восточную стену, чтобы разобрать цвета нитей, отмечавших финансовые потоки Европы и восточного побережья Северной Америки. Он напрасно портит зрение, изучая свои сделанные убористым почерком записи и вырезки по вопросам британского налогообложения, которые крепятся булавками к стене позади письменного стола. Как только новые лампы и электрические провода Эдисона докажут свою безопасность для использования в помещениях, он мигом избавится от газового освещения в собственных домах.

На данный момент самая его насущная проблема – дочь Гринфилда.

Люциан присел на край стола, глядя на карту. От булавки с именем Гринфилда исходили дюжины нитей, означающие займы, акционерные капиталы и доходы, и устремлялись в разные страны, организации и отрасли промышленности. Общая картина подтверждала, что в Испании позиции Гринфилда пошатнулись. Без контрольного пакета акций одной железнодорожной компании его ждет утрата лидерства на рынке. А дельцы вроде Гринфилда не привыкли быть на вторых ролях.

В комнате повисла гнетущая тишина, нарушаемая лишь далеким завыванием спертого воздуха в вентиляционной шахте. Люциан мог бы продать Гринфилду свои акции, но тогда банкир тут же утратит к нему интерес. Узы деловых отношений непрочны – на них можно рассчитывать только в краткосрочной перспективе. Поэтому он игнорировал приглашения на ланч:

они давали лишь место за столом, и пока он не знал, как этим воспользоваться. Конечно, место за столом важно. Люциану потребовалось много времени, чтобы понять: одного богатства для достижения целей недостаточно. Деньги – совершенно иной зверь, чем власть. Власть удерживают в своих руках высшие слои общества, надежно затворившиеся в неприступной крепости, чьи стены слагают совместная учеба в Итоне, Оксфорде и Кембридже, брачные союзы и наследственное право. Политика творится в кулуарах, после обедов, во время поездок по Европе для завершения образования. Несмотря на осыпающиеся фамильные замки и убыточные поместья, деньги в этих узкородственных кругах ценятся ниже имени и связей. Впрочем, Джулиану Гринфилду удалось просунуть ногу в дверь. Через сотню лет после того, как его семья перебралась в Британию, их деньги больше не считались новыми, а земельные владения – награбленными.

Люциан вернулся к письменному столу и взялся за перо. В эти священные круги существует и совершенно иной путь. Подробности плана еще не оформились, но мускулы уже напряглись в решительном нетерпении, предшествовавшем всем его выигрышным вложениям. Сделаем ставку на мисс Джонс!

Глава 4

Раскин был прав: «Персефона» и в самом деле прелестная.

Осознание пронзило Хэтти вскоре после начала урока, и она отпрянула, лихорадочно оглядывая картину. Мягкое царапанье кистей по холсту и шаги Раскина между мольбертами слились в сплошной гул. Как она раньше не заметила? Мускулистая рука Аида обхватила Персефону за талию и тащит с цветущего луга в подземный мир, на лице девушки ужас, но это какой-то вежливый ужас... При ближайшем рассмотрении видно, что динамика тела Персефоны – весьма сдержанная. Разве так сопротивляется женщина, подвергаясь насилию?

Хэтти вытерла о фартук вспотевшие ладони. Катастрофа! Она невольно сосредоточилась на том, чтобы на протяжении тяжкого испытания Персефона сохранила правильную осанку. В результате героиня выглядит так, словно ее заботит лишь собственная прическа. Где же неистовство, гнев и подлинность чувств? Из Хэтти явно не выйдет Артемизии Джентилески¹. Пожалуй, это самая апатичная трактовка сюжета со времен «Похищения Прозерпины» Уолтера Крейна².

Горестный всхлип Хэтти привлек внимание всех студентов мужского пола, и она поспешно спряталась за своим холстом. Стоящий справа лорд Скеффингтон оставил свой набросок и смотрел на девушку с любопытством.

– Что-нибудь случилось, мисс Гринфилд? – прошептал он.

Щеки Хэтти отчаянно пылали.

– Ничего. Совсем ничего, – ответила она с деланой улыбкой.

Хэтти поводила кисточкой по небу на холсте, изобразив бурную деятельность. Вскоре интерес к девушке угас, чего не скажешь о ее огорчении. Пять недель работы – и все напрасно, картина получилась бездушной, мертвой.

Во всем виноват поцелуй!

За три минувших дня воспоминание о губах Блэкстоуна ничуть не померкло. Наоборот, грезя наяву днем и ложась спать ночью, Хэтти бесстыдно воспроизводила мимолетный контакт снова и снова и теперь так его приукрасила и дополнила мелкими подробностями, что из скандального инцидента тот превратился в яркое, чувственное событие. На самом деле забывать Хэтти не хотелось: несколько белых пятен на карте ее повседневной жизни стали цветными, и теперь она могла включить ощущение теплого рта Блэкстоуна во все любовные романы, которые поглощала без счета. Раньше ее представления о поцелуях ограничивалась прикосновением собственных губ к тыльной стороне ладони. Наконец-то до нее дошло, чем наслаждаются ее подруги Аннабель и Люси с тех пор, как соединились со своими сужеными. И еще девушка поняла, что испытывает та, на кого набрасывается повелитель подземного мира, – потрясение, неверие, возбуждение, смущение. Сама она отвесила наглецу пощечину, не задумываясь. В «Персефоне» этих чувств нет и в помине. Благодаря поцелую Блэкстоуна Хэтти осознала, что ее картина – насквозь фальшива.

Девушка повернулась к лорду Скеффингтону.

– Милорд... – хрипло начала она.

– Мисс Гринфилд. – Он опустил кисть и посмотрел на Хэтти.

– Как вы думаете, возможно ли стать хорошим живописцем, не имея личного опыта?

Высокие брови лорда удивленно изогнулись.

– Хм. Трудности с картиной?

¹ Артемизия Джентилески (1593–1653) – итальянская художница эпохи барокко, дочь живописца Орацио Джентилески, первая женщина, избранная в члены Академии живописного искусства во Флоренции. (*Здесь и далее прим. перев.*)

² Уолтер Крейн (1845–1915) – английский художник-иллюстратор, близкий к «Братству прерафаэлитов».

– Нет-нет, мой интерес чисто академический.

– Ясно. Вопрос философский.

– Отчасти да. Так вот, насколько необходим художнику личный опыт в том, что он описывает, чтобы получилось истинное произведение искусства?

Лорд Скеффингтон фыркнул.

– Размышлять о вещах возвышенных перед обедом – увольте!

Его улыбка заставила Хэтти ненадолго забыть о своих невзгодах. Лорд очарователен! В залитой солнцем комнате его пышные золотистые волосы обрамляют лицо, словно нимб. Губы розовые, тонко очерченные – будь он девушкой, подобный ротик сравнили бы с бутонем розы. Именно таким Хэтти представляла своего любимого персонажа Джейн Остин, мистера Бингли, и потому их соседство во время занятий вовсе не было случайным.

– Давайте-ка подумаем. – Лорд приложил палец к подбородку в притворном раздумье. – Многие художники классической школы ни разу не видели греческого бога во плоти. Поэтому могу вас уверить, мисс Гринфилд, для создания восхитительной картины личный опыт вовсе не обязателен!

Хэтти замаялась. Неужели он и правда считает, что цель искусства – быть восхитительным?! Однако Скеффингтон выглядел таким довольным своим ответом, да и остальные студенты снова переключились на них, как муравьи устремляются к свежей туше... Сегодня это выводило девушку из себя. Молодым людям потребовались долгие месяцы, чтобы перестать шептаться и глазеть на нее во время лекций. Общий курс рисования профессора Раскина был открыт для широкой публики – туда принимали без лишних церемоний и мужчин, и женщин, но посещать лекции по истории актуального искусства?! Неслыханно! Потом она, чего доброго, захочет голосовать. На самом деле Хэтти хотела. А разрешить женщине брать курс академической живописи в художественной галерее? Возмутительно, даже несмотря на сопровождавшую Хэтти тетюшку, которая ходила за ней как приклеенная. Сейчас та мирно дремала в плетеном кресле, пригревшись на солнышке, и была не в том положении, чтобы испепелять нахалов взглядом.

Хэтти мельком посмотрела на свою «Персефону» – такую скучную и откровенно скучающую, и у нее свело живот.

– Видите ли, – прошептала она лорду Скеффингтону, игнорируя любопытные уши, – некоторое время назад я прочла одно эссе Джона Дьюи. Он утверждает, что произведение искусства считается таковым, лишь если в результате рождается общечеловеческий опыт, то есть идет общение между работой художника и зрителем. Иначе это просто объект.

Его светлость захлопал глазами – вероятно, Хэтти говорила слишком торопливо.

– Существует некое узнавание, – снова попыталась она, – между художником, чье искусство воплощает универсальный опыт, и личным опытом наблюдателя. Момент встречи двух разумов, так сказать.

– Дьюи, Дьюи... – вежливо протянул лорд Скеффингтон. – Знакомое имя. Случайно не американец?

– Да.

– Вот как! – Уголки его рта поднялись. – Американцев порой посещают странные идеи.

Странные?! Для Хэтти объяснение звучало правдоподобно. При ограниченном опыте она вполне способна создать нечто восхитительное, но разве оно трогает за душу и похоже на правду? Если твоя душа воплотилась в женщине из высших слоев общества, то тебя держат на коротком поводке. Любопытные мужчины могут черпать вдохновение прямо из своего непосредственного опыта, из мест с дурной репутацией или из дальних поездок, которые для нее немислимы. Известные современные художницы вроде Эвелин де Морган или Мари Стиллман происходили из семей художников или же учились в Париже. Кроме того, изначально предполагается, что мотивы женской живописи примитивны. Хотя Хэтти с удовольствием носила

платья с оборочками и зачитывалась любовными романами, в искусстве ей хотелось достичь иного – чего-нибудь исключительного.

Лорд Скеффингтон подошел к ее картине.

– Что ж, прекрасная работа. Хорошая техника лессировки. Вы вроде бы собирались выставить ее на семейном приеме?

Хэтти мысленно простонала.

– Да, на матинэ³ на следующей неделе.

В родительскую резиденцию на Сент-Джеймс явится дюжина влиятельных лиц с женами и останется на ланч. Хэтти уже решила, что лучше не выставит вообще ничего, чем такую картину.

– Для матинэ как раз подойдет, – заметил лорд Скеффингтон. – Хотя сюжет вы опять выбрали мрачный.

Она сдержанно улыбнулась.

– Мрачный? Опять?

– Похоже, мисс Гринфилд, вы питаете слабость – как бы это назвать? – к жестоким сценам.

– Я бы так не сказала...

– Мне вспомнился ваш Аполлон, выслеживающий Каллисто.

– Ах да.

– Затем, в начале прошлого семестра, вы писали «Похищение Кассандры».

– Между прочим, это один самых популярных сюжетов древнегреческой мифологии!

– Я всего лишь делюсь своими наблюдениями, – мягко проговорил лорд Скеффингтон.

Похоже, он прав. В прошлом семестре Хэтти написала Елену Троянскую, свою лучшую работу, но опять же, в ее интерпретации Елена стоит посреди дымящихся руин разоренного города, и у ее ног лежат поверженные Парис и Менелай.

– Разве есть в Античности хоть один сюжет, лишенный жестокости?

– Как насчет танцующих нимф? – напомнил лорд Скеффингтон. – Или Деметра с рогом изобилия, ухаживающая за полями? Или Пенелопа, ткающая полотно? Все эти сюжеты вполне благонравные и подходящие.

То есть подходящие для женщины-художника. Хэтти встала на дыбы.

– Думаю, Аид был в отчаянии, – кротко проговорила она, ибо не следует в порыве гнева огрызаться на ходячее воплощение мистера Бингли. – Сидит один в темноте, окруженный смертью, – это кого угодно вгонит в тоску! Ему понадобилась компания, живая душа рядом.

Лорд Скеффингтон поцокал языком.

– Придумываете оправдания для злодеев, мисс Гринфилд? Возмутительно! Хотя нежное женское сердце, полагаю, ищет хорошее даже в самом низменном человеке, включая, – он театрально воздел красивые руки, – властителя мертвых.

Он снова фыркнул, и Хэтти улыбнулась, чуть покраснев от приложенного усилия.

Во время краткой прогулки от бокового входа галереи до комнат в Рэндольф-корт, где они жили в течение семестра, тетушка пробудилась окончательно и принялась нудить.

– Молодой лорд Скеффингтон весьма нахален, – зычно протрубила она, заставив Хэтти поморщиться. – Видела я, как он отвлекал тебя от работы своей болтовней.

Она замедлила шаг, взяла Хэтти под руку, и от нее пахнуло тяжелым ароматом французских духов. Теперь дамы надежно блокировали узкий тротуар, не давая пройти другим прохожим.

³ Торжественное утреннее собрание, прием или дневной спектакль – устраивается по разным случаям между одиннадцатью и тринадцатью часами. Обычно им отмечают какое-нибудь выдающееся событие или знаменательную дату в жизни видного человека.

– Тетя, он беседовал со мной о живописи.

Тетушка приставила ладонь к уху.

– Что ты сказала?

– Он просто поддерживал разговор! – проревела Хэтти. Мистер Грейвс, пренебрегаемый обеими леди охранник в сером пальто, трусил следом с покорным лицом, невольно слыша каждое слово. Слух у тетушки был весьма загадочный: таинственным образом слабел или усиливался в зависимости от того, хотела та что-нибудь услышать или нет. Однажды Хэтти застала тетю беседующей с подругами вполголоса.

– Вот как, – заметила тетушка и взмахом трости вытеснила на дорогу джентльмена, пытавшегося втиснуться на тротуар. – Они всегда начинают с разговоров, по крайней мере, так было в мое время. Затем настаивают на совместной прогулке.

– Мама пришла бы в восторг, предложи он нечто подобное.

– Что?

– Я сказала: мама пришла бы в восторг!

– А! Какой-то он щуплый, тебе не кажется?

Щуплый? Для джентльмена, занимающегося живописью, лорд Скеффингтон обладал вполне приятным телосложением. Кроме того, его внешность едва ли имела значение: папа выдал Флосси замуж за неуклюжего голландского текстильного магната, и мама подыскивала для оставшихся дочерей кого-нибудь с титулом. А поскольку до конца лета Мина ожидала предложения всего лишь от рыцаря, задача заключения брачного союза с представителем голубых кровей целиком легла на плечи Хэтти. Вообще-то она мечтала выйти замуж за аристократа. Внешность лорда Скеффингтона казалась Хэтти идеальной: белокурый, статный, чуть старше ее самой. У них впереди еще много лет, которые муж сможет позировать ей в качестве белого рыцаря...

– Берегись! – Тетушка дернула ее за руку, и Хэтти резко остановилась.

Хотя они уже подошли к переходу у Рэндольф-корт, до следующего экипажа было еще далеко.

– Вечно витаешь в облаках, – пробормотала старушка. – Когда-нибудь это доведет тебя до беды.

Хэтти похлопала хрупкую руку тетушки.

– Все будет хорошо, ведь ты за мной приглядываешь.

– Хм. А почему ты хромаешь?

Потому что растянутая лодыжка продолжала служить Хэтти болезненным напоминанием о глупой вылазке в Лондон.

– На лестнице поскользнулась. – Необходимость выкрикивать ложь все только усугубила.

– Вот и не торопись, – назидательно заметила тетушка. – Полагаю, его светлость следует пригласить на обед. Завтра же!

– Завтра – слишком скоро, тетя. К тому же обед будет семейный.

– Ладно, тогда мы попросим твою матушку отправить лорду Скеффингтону приглашение на более торжественное мероприятие, и чем скорее, тем лучше.

Тетушка подождала, пока они пересекут улицу и войдут в прохладный, гулкий холл Рэндольф-корт, и спросила:

– Ты знаешь, что при крещении его нарекли Клотверси?

Хэтти знала. Теперь об этом узнал еще и персонал отеля за стойкой регистрации, и мистер Грейвс, и несколько ошарашенных гостей, мирно беседовавших друг с другом на диванчиках возле камина.

– Да, – проревела тетушка, направляясь к лифту. – Клотверси, как и покойный отец. Между прочим, деда тоже звали Клотверси.

– Ясно...

– Пожалуй, стоит узнать об этом прежде, чем отправим приглашение. Женщине следует тщательно подумать, желает ли она быть увековеченной в анналах длинной череды Клотверси Скеффингтонов. Сына твоего тоже назовут Клотверси – ребенок язык сломает. Ты могла бы звать его по-домашнему – Клотти.

Хэтти досадливо поморщилась и украдкой посмотрела по сторонам. Так и рождаются слухи. Молодой женщине они могут доставить ужасные неприятности, и Хэтти очень хотелось этого избежать. Недавняя экскурсия закончилась поцелуем с мерзавцем, поэтому в обозримом будущем девушка решила вести себя безупречно. Мистер Грейвс точно оценит, подумала она, глядя, как охранник прошмыгнул в апартаменты, чтобы выполнить обычный обход и убедиться, что в их отсутствие туда не забрались похитители. Грейвс предпочел сохранить свое рабочее место у Гринфилдов и не стал докладывать об исчезновении Хэтти, но вряд ли так будет всегда.

В гостиной она бросила тяжелую сумку на диван у камина и со вздохом потянулась. Тетушка скрылась в одной из боковых комнат, и Хэтти подошла к ближайшему окну, желая немного передохнуть. Апартаменты выходили на оживленную Магдалена-стрит, и со второго этажа она могла сколько угодно безнаказанно наблюдать за чужими жизнями. Сегодня взгляд Хэтти беспокойно блуждал по тротуару. В живописи она стремилась к результатам скорее выдающимся, чем к приемлемым, и эту мечту породило не только честолюбие, хотя девушка все еще переживала из-за своего фиаско с «Персефоной». Рисование не требовало обычных навыков, необходимых для достижения успеха в письме или арифметике. Хэтти не могла написать ни строчки, не наделав ошибок, и не могла списать пример, не поменяв цифры местами. Сегодняшний день стал очередным болезненным напоминанием. Дело не в глазах, хотя отчасти это похоже на слепоту особого рода, заключил несколько лет назад последний в длинной череде докторов, когда Хэтти не удалось исправиться, несмотря на строжайшие выговоры учителей. Отец был потрясен. *Если дело не в глазах, то виноват мозг? Неужели что-то не так с ее головой?* Неужели из его чресел вышел тупоголовый наследник – Гринфилд, не способный заниматься капиталовложениями?! Разочарование отца ранило Хэтти сильнее, чем линейка учителя, наказывавшая за письмо левой рукой и за бесчисленные ошибки. Хэтти натирала мозоли на пальцах и падала духом, пока не отыскала свой талант в яркой палитре красок. И все же сегодня в галерее ей вспомнились слова отца.

– Хэрриет! – окликнула тетушка из соседней комнаты. – Я хочу сыграть в бридж.

Бридж. Ну сколько можно!

– Минуточку, тетя, – ответила она не оборачиваясь.

На противоположной стороне улицы залитая солнцем стена колледжа Баллиол излучала стойкое, золотистое спокойствие. Если бы стены могли выглядеть мудро, то оксфордским достался бы первый приз.

Хэтти расправила плечи и глубоко вдохнула. Она многого добилась. Место в Оксфорде стало результатом упорной работы, и это имело особое значение для богатой наследницы, привыкшей получать даже то, чего еще не успела пожелать. Первое время Хэтти боялась ошибиться и плохо справлялась с кистью, но сцепила зубы и тренировалась, пока не смогла овладеть инструментами одинаково хорошо обеими руками. Она с боем прорвалась через все пространные книги Раскина, включая «Законы Фьезоле». Невзирая на сложности с чтением и письмом, теперь она училась у самых лучших наставников. Ясное дело, Оксфорд – не Париж, куда Хэтти предпочла бы отправиться, как и любая великосветская девушка, увлеченная живописью, но во Францию ее никто бы не отпустил, и она не готова потерять все из-за одного поцелуя...

– Хэрриет!

Девушка тихо вздохнула. Вероятно, настало время выбираться из-под опеки семьи. Первый шаг – пригласить потенциального жениха на обед.

Внезапно ей вспомнился холодный взгляд серых глаз, и по спине пробежала дрожь.

* * *

Пятничный семейный ужин в Сент-Джеймсе едва не закончился скандалом. Из Амстердама приехала с младенцем повздорившая с мужем Флосси, из Франкфурта вернулся Закари. Спор разгорелся еще до того, как подали основное блюдо. Флосси сидела напротив Хэтти, между Бенджамином и тетушкой, и ее круглые щеки пылали от возмущения.

– Не ожидала, что ты займешь позицию стороннего наблюдателя, мама! – воскликнула она, вонзая вилку в дымящиеся грибочки на тарелке.

Раздражение матери хлынуло на стол ледяной волной.

– Ссориться с мужем столь серьезно – дурной тон.

Флосси взметнула рыжими кудрями.

– Только не в том случае, если он защищает спекуляцию зерном!

– В твоем тоне звучат странные фанатические нотки, которые слушать тягостно.

– Представь, насколько более тягостно приходится голодным детям! Разве нас ничему не научил голод в Индии?

– Или в Ирландии, – пробормотала Хэтти.

– Видимо, лорд Литтон урок не усвоил, – заметил Закари. – Насколько мне известно, он до сих пор возражает против Кодекса по борьбе с голодом. Совсем из ума выжил!

Флосси подняла брови и посмотрела на мать с торжествующим видом.

– Как ни ужасно, голод – природное явление, – заявила Адель. – Столь же неизбежное, как снег зимой.

– Однако финансирование нашей армии в Афганистане деньгами для помощи голодающим к природным явлениям вряд ли относится, – проговорила Флосси, – а именно это Литтон и проделал в прошлом году. Нынешний голод в значительной степени произошел потому, что британское правительство вывезло зерно из Бенгала прямо в Лондон, и затем кое-кто усугубил положение, намеренно приостановив раздачу и взвинтив цены.

– И кто же это утверждает? – требовательно спросила Адель.

– Флоренс Найтингейл, – спокойно ответила Мина. – Я читала ее публикации.

– Неужели!

– Она пришла к выводу, что голод – результат вопиющих ошибок со стороны британского правительства, – добавила Мина. – В том числе перенаправления средств для помощи голодающим на финансирование армии в Афганистане.

Адель сжала губы. Все знали, что она восхищается вкладом Флоренс Найтингейл в развитие профессии медсестры и часто советуется с ней по поводу благотворительности. От политики та почтительно держалась в стороне.

– Дорогая, грибочки просто превосходны, – вклинился Джулиан Гринфилд. – Новый рецепт?

Хэтти посмотрела на него с подозрением. Отец редко встречал в ссоры за столом, однако весь вечер так и лучился от удовольствия, и заросли седых волос, обрамлявшие его рот до подбородка, придавали ему вид довольного моржа. Вероятно, радуется, что Флосси дома. Флосси была его гордостью. Она знала, когда следует играть на понижение, когда покупать ценные бумаги и какая отрасль промышленности будет процветать в ближайшее время. К моменту подачи основного блюда Флосси с Закари наверняка примутся обсуждать лучшие стратегии для того или иного германского портфолио дяди Джейкоба. Мина к ним присоединится – она уже ловит каждое слово, изредка ковыряясь в еде на тарелке. В свои четырнадцать лет Бенджамин, находящийся в неловком положении между мальчиком и мужчиной, бросится яростно поддерживать все, что скажет Зак. Мина примется его высмеивать. Она уже потешалась из-

за того, что он носит свои каштановые волосы на манер Зака: на боках короткие, наверху – длинные и волнистые. Когда разгорался нешуточный спор, кто-нибудь вроде Закари обычно поворачивался к Хэтти и спрашивал: «Как там твоя живопись, Помпончик?» Занятия живописью не вызвали у присутствующих сильных эмоций и считались нейтральной темой вроде еды или напитка, которыми устраняют вкус предыдущего блюда для перехода к следующему.

Хэтти отпила вина, прекрасно понимая свое место в семейной иерархии. Когда выяснилось, что мозг ее работает как-то странно и интереса к банковскому делу она не питает, девушку низвели до декоративного элемента. Стоило ей войти в родительский особняк на Сент-Джеймс, как новая женщина, у которой есть своя студия в Оксфорде и подруги-суффражистки, оставалась за дверями. В холле Хэтти ждала ее прежняя оболочка, давно ставшая тесной, как старое платье. Сегодня это ощущение было особенно сильным – до зуда. Увы, именно такой знали Хэтти родные и не желали видеть ее другой.

– ...не побоюсь назвать аморальными любые спекуляции, – заявила Флосси, – поскольку в последние десятилетия как раз они и вызвали самые крупные экономические кризисы...

Отец отставил бокал.

– Ну же, Флоренс, будь паинькой, отдохни и перестань третировать свою мать. Неужели ты думаешь, что твое приданое состояло из благотворительных пожертвований?

Флосси фыркнула, тем самым дав сигнал Заку. Тот повернулся к Хэтти и подмигнул. Нет, сегодня она не желает быть для них легкой интермедией. Хэтти посмотрела сквозь брата – на отца.

– Папа, – обратилась она, – меня тут заинтересовали кое-какие слухи.

Кустистые брови отца сомкнулись.

– По-твоему, я похож на номер «Тэтлера»?

– Они касаются мистера Блэкстоуна.

Его имя непременно бы всплыло – оно весь вечер вертелось у Хэтти на языке. В гостиной повисло неловкое молчание, сердце девушки забилось быстрее. Глаза отца вспыхнули, и на ужасный миг Хэтти заподозрила, что он знает.

– Блэкстоун, говоришь? Тот самый делец?

Хэтти кивнула.

– Я слышала, что он губит лордов. И мне стало интересно, как именно.

– А почему это тебя занимает?

Действительно, почему? Надо было сидеть тихо и кушать булочку, а теперь все обратили на нее внимание.

– Джулиан, ты с трудом скрываешь досаду всякий раз, как он игнорирует твои приглашения на ланч, – вмешалась мать.

– Всего дважды, – мягко поправил ее отец.

– Ты звал его на ланч? – спросила Флосси. – Из-за Испании?

Отец прищурился.

– Не помню, чтобы мы с тобой обсуждали Испанию.

– Ты отправил Закари договариваться с дядей Джейкобом, – напомнила Флосси. – Потом случилась банковская реформа, спекуляции железнодорожными акциями, братья Перье...

– Да-да, из-за Испании, – кивнул Гринфилд-старший и схватил бокал.

– Позволь мне, отец. – Зак повернулся к Хэтти. – Блэкстоун губит лордов, объявляя к взысканию долги аккуратно в тот момент, когда им не хватает средств. Остается лишь гадать, как он узнает подходящее время для удара. В любом случае за редким исключением аристократам приходилось продавать семейное серебро или поместье, чтобы расплатиться.

Флосси ужаснулась:

– Разве джентльмен в своем уме способен на подобное злодеяние?

– Блэкстоун – не джентльмен, – сухо проговорил Закари.

– Он наш вкладчик? – поинтересовалась Хэтти.
– Господи, нет! Подозреваю, он пользуется услугами мелких частных банков вроде «Хоар и компания». И те молчат, ведь стоит ему забрать свои вклады, как им придется закрыть дело.
– Значит, он настолько богат, как говорят?
– По нашему мнению, неприлично богат.
Хэтти вздохнула с облегчением. Похоже, об ее экскурсии никто не подозревает.
– Почему он этим занимается? – пробормотала она. – Унижать лордов – просто подло!
Флосси скорчила гримасу:
– Гораздо интереснее, почему джентльмены в своем уме продолжают становиться его должниками?

Хэтти подумала о женихе Люси, лорде Баллентайне, который взял у Блэкстоуна в долг, чтобы выкупить половину издательства «Лондонский печатный двор». Вот уж кто хитрый тип!

– Порой мужчины способны на глупости, – заметила Мина. – Им нравится играть на бирже или в рулетку, и часто они переоценивают свою удачу и мастерство.

– Мина! – возмутилась Адель. – Не смей так говорить!

– Прошу прощения, мама.

– Девушкам цинизм не к лицу. Как, впрочем, и политический пафос.

– Больше не буду.

– Смотри у меня! О твоей помолвке еще не объявлено, и сэр Брэдли вполне может передумать. – Отчитывая Мину, она пронзила взглядом Хэтти, потянувшуюся за булочкой. Лет двадцать кряду Адель Гринфилд переживала, что троим дочерям достались от нее лишь рыжие волосы, но не изящная фигурка, о чем не уставала им напоминать. Хэтти со вздохом отложила щипцы для хлеба.

– Джентльмены редко ведут с Блэкстоуном дела напрямую, – пояснил Зак для Флосси, беря булочку. – Тот печально известен своей скрытностью и суровостью. Насколько я понимаю, он перекупает долги у других джентльменов, причем с солидной надбавкой.

Глаза Флосси округлились.

– Как расчетливо – он словно им мстит!

Мина кивнула.

– Просто карикатурный злодей! Извини, мама.

– Спрашивается, как человек столь безнравственный смог сколотить состояние на пустом месте? – невольно поразились Флосси.

– Блэкстоун начал торговать векселями лет десять назад, – сообщил отец. – Причем весьма удачно.

– Еще он имеет обыкновение вкладываться в отрасли, которые начинают использовать новые технологии, и в сами технологии, – отметил Зак. – Похоже, из убыточных предприятий у него только угольные шахты в Британии. Насколько нам известно, доходов с них нет.

Отец разломил жареную картофелину.

– В его безумии может быть своя логика.

– Держу пари, так и есть, – уважительно проворчал Зак. Хотя к двадцати четырем годам он успел стать опытным банкиром, Хэтти обожала брата за его объективность.

– Чтобы заниматься коммерцией, нужен начальный капитал, – гнула свою линию Флосси. – Кто же дал ему деньги?

Под столом Зак пихнул ногой юбку Хэтти, затем положил ей что-то на колени. Она осторожно посмотрела вниз: булочка, которую ей запретили. Пожалуй, больше всего Хэтти любила брата за его заботливость. Она сунула булочку в карман, пока мать взахлеб перечисляла злодеяния Блэкстоуна, в основном состоявшие в сомнительном происхождении и третировании лорда Ратленда.

– В последнее время Блэкстоун сменил тактику, – отметил отец. – Некоторые долги пере-
продал, некоторые вообще простил. В клубе это приняли к сведению.

Бенджамин склонил голову набок.

– Вот почему ты стал его приглашать?

– Верно подметил, – похвалил отец, словно Бенни выдал нечто особо пронизательное.

– Почему это так важно? – насупилась Хэтти, не в силах уловить связь.

– Важно то, – назидательно пояснил отец, – что Блэкстоун больше не хочет оставаться
в тени. Возможно, чувствует, что это положение себя исчерпало – в таких случаях люди начи-
нают желать большего.

– Отец надеется, что Блэкстоун продаст кое-какие акции, которые для нас очень важны, –
добавил Зак. – Мы всегда готовы воспользоваться стремлением ближнего поднять свой соци-
альный статус.

– Порой человек сам опутывает себя словами своими, – заметила Адель.

– Скоро все узнаем, – вкрадчиво проговорил отец, и у Хэтти от его тона поднялись волосы
на затылке. – Блэкстоун дал о себе знать, и я позвал его на матинэ. Приглашение он принял.

Хэтти ахнула, но никто не заметил – всех слишком поразила новость.

– Да неужели? – с прохладцей в голосе отозвалась мать. – Говоришь, на матинэ?

«Это из-за меня, – подумала Хэтти, обливаясь холодным потом. – Собирается заложить
родителям?»

– Да, на матинэ, – повторил отец. – Надеюсь, все вы будете держаться с ним естественно.
Крючок рыбка, может, и заглотила, однако теперь ее нужно вытянуть.

Блэкстоун! Блэкстоун проникнет в их дом, в их святая святых!

– Мистер Гринфилд, это просто нелепо! – воскликнула мать. – Изменился он или нет, в
приличном обществе ему не место! Если он придет на матинэ, мне придется представлять его
уважаемым людям, а ведь нам совсем ничего о нем не известно.

– Дорогая, куда делась твоя любовь к ближнему?

– Репутация для меня важнее!

– Ах да, матинэ! – Тетушка встрепенулась, словно до этого дремала с открытыми глазами.
Она схватила с коленей слуховой рожок, инкрустированный драгоценными камнями, прило-
жила к правому уху и направила раструб на край стола. – Адель, мы должны пригласить еще
одного гостя: молодого виконта лорда Скеффингтона.

– Нет! – выпалила Хэтти, не сдержавшись.

– Нет? – На морщинистом лице тетушки проступило недоумение. – Ты ведь сама решила,
что он должен к нам присоединиться!

Заинтригованные Мина, Бенни и Флосси ухмыльнулись.

– Решила, говоришь? – повторил отец. – Что за молодой человек? Лорд Клотверси Скеф-
фингтон?

Стены гостиной закачались.

– Мама, давай пригласим лорда Скеффингтона в другой раз, – дребезжащим, как
жестянка, голосом проговорила Хэтти. – Я не смогу прийти на матинэ.

– Почему же? – мигом встревожилась мать.

– Я... боюсь разболеться.

– С чего ты взяла? Тебе нехорошо?

Конечно! И дальше будет только хуже.

Глава 5

С тех пор как в воскресенье Хэтти вернулась в Оксфорд, подходящего времени для разговора с подругами не случилось. В понедельник они встретились в Норэм-Гарденс на еженедельном собрании ячейки суфражисток. Растрепанная Люси открыла дверь, меча грома и молнии: похоже, из-за их недавней публикации у «Манчестер гардиан» возникли неприятности. Вполне ожидаемо, ведь мало что способно взбесить общество больше, чем женщины, открыто требующие права считаться людьми перед законом. Разумеется, все собрание они обсуждали, как ячейки по всей Британии должны реагировать на общественный резонанс, и Хэтти не могла просто встать и сказать: «Я удрала от своего личного охранника – в который раз – и целовалась с Блэкстоуном, а теперь он придет с визитом в дом моих родителей».

Весь вторник Хэтти переживала из-за того, чем же заменить бездарную «Персефону». Мать, разумеется, настояла на ее присутствии в субботу, потому что успела сообщить всем друзьям и подругам, что Хэтти выставит новую картину. Наконец девушка остановила выбор на чрезвычайно скучном и безопасном варианте: акварель с натюрмортом из фруктов и овощей в деревянной миске.

В среду у Хэтти разболелась голова, и она осталась дома.

В четверг Люси объявила, что лорд Баллентайн предложил свозить ее в Италию, потому что пережить бурю, поднявшуюся вокруг публикации, лучше на южном пляже. Как ни странно, она согласилась. Пока Хэтти ей советовала, какие шляпки и платья взять с собой и где в Неаполе купить самые модные ткани, признание жгло горло огнем, но в слова так и не оформилось.

В пятницу Хэтти не выдержала. Она уговорила тетушку написать красивое приглашение и отправилась в жилое крыло колледжа Сент-Джонс, где проживала Катриона.

Подруга сидела за отцовским письменным столом, по обыкновению завернувшись в потрепанную клетчатую шаль клана Кэмпбеллов и собрав в небрежный пучок волосы цвета воронова крыла. Она разглядывала через лупу старую книгу.

У Хэтти буквально камень с души свалился.

– Слава богу, ты дома!

Катриона обернулась и моргнула, точно сова, разбуженная среди бела дня.

– Хэтти. – Голос ее звучал хрипло, словно сегодня она еще ни с кем не разговаривала. – Извини, забыла, что ты придешь. – Она поднялась и надела очки в металлической оправе. – О твоём охраннике уже позаботились?

– Экономка повела его на кухню, так что, полагаю, он пьет чай. И ты ничего не забыла – я пришла без приглашения. – Хэтти открыла ридикюль и выудила из него небольшой конверт. – Хочу позвать тебя на матинэ. Приходи завтра в наш особняк на Сент-Джеймс. Извини за позднее уведомление, но будут играть Шопена – ты ведь любишь Шопена, правда?

Катриона все еще держала в руке увеличительное стекло, сама того не замечая. Наконец она спохватилась, посмотрела на лупу, потом на конверт, который Хэтти сунула ей прямо под нос.

– Спасибо. К сожалению, завтра...

– И ты должна рассказать мне все-все про свои раскопки в Тунисе, – добавила Хэтти. – Мне очень интересно!

Катриона уставилась на подругу поверх очков.

– Раскопки проходили в Суре. Это город на Ближнем Востоке. – В ее голосе прорезался шотландский акцент.

– Еще интереснее! – выпалила Хэтти.

Подруга не сводила с нее пристального взгляда.

– В чем дело, Хэтти?
Девушка надула губы.

– Почему ты сразу подозреваешь худшее?

Потрясающие ярко-голубые глаза Катрионы резко контрастировали с прямыми черными ресницами. Обычно она прятала их очарование под очками или отгораживалась от собеседника отстраненным взглядом, говорившим о том, что мысли ее заняты скорее старым пергаментом из Туниса или Тира, чем разговором. Теперь же взгляд стал пристальным, в глазах читался острый ум.

– Ты влипла в неприятности и считаешь, что я могу помочь, – сказала она и кивнула в сторону кресел «честерфилд» перед остывшим камином. – Присаживайся. Я раздобуду нам чаю.

Катриона не стала звонить в колокольчик и пошла на кухню сама, а Хэтти уселась в скрипучее кожаное кресло и оправила юбки. Впервые за неделю ее пульс замедлился до нормального ритма. В кабинете профессора Кэмпбелла стояла полная тишина, ненарушаемая даже тиканьем часов; низкий потолок и толстые старые стены надежно защищали от внешних звуков. В воздухе витали запахи исписанной чернилами бумаги и лавандового мыла Катрионы. Витражные окна выходили в огороженный стенами сад, солнечные лучи лежали на потертых половицах красными и синими пятнами. В этой комнате царил вечный штиль, обещавший гостям надежную защиту от любой непогоды. Вряд ли подобное жилище приличествовало шотландскому графу и его наследнице, зато их ученым умам соответствовало вполне: так и видишь отца с дочерью в креслах у камина, в котором потрескивает огонь, оба погружены в чтение и время от времени поправляют очки или поднимают взгляд, чтобы сказать что-нибудь умное. Похоже, Катриона для профессора Кэмпбелла была тем же, что и Флосси для Джулиана Гринфилда – ярой сторонницей интересов своего отца с самой колыбели. Нынешние проблемы Хэтти она сочтет в лучшем случае несерьезными. К возвращению Катрионы, осторожно несущей маленький поднос, девушка набралась решимости.

– Ты права! – выпалила она, дождавшись, пока подруга нальет чаю и сядет. – Я влипла, и мне нужна твоя помощь. На матинэ придет Блэкстоун, а я не могу встретиться с ним одна и притвориться больной тоже не могу, потому что мама запретила!

– Блэкстоун? – Катриона отставила чашку, заинтересовавшись. – Тот коммерсант, который одолжил лорду Баллентайну деньги на покупку «Лондонского печатного двора»?

– Он самый.

– Почему ты не хочешь с ним встречаться одна?

Хэтти опустила взгляд на сцепленные на коленях руки.

– Мы с ним поцеловались.

Катриона ахнула.

– Давай поподробнее!

И Хэтти рассказала про побег от мистера Грейвса, про надежду увидеть «Офелию», про поцелуй. И про потрясение, которое испытала, узнав, что Блэкстоун придет на матинэ.

Катриона молчала бесконечно долгую минуту.

– Ну и ну, – наконец сказала она, – ситуация и правда критическая.

К счастью, у Катрионы имелась редкая способность изучать любую, даже самую критическую ситуацию, отринув лишние чувства, словно некий археологический артефакт. Хэтти следовало поговорить с ней гораздо раньше.

– А где была тетушка во время твоей, так сказать, экскурсии? – осведомилась Катриона.

Хэтти отвела взгляд.

– У нее создалось впечатление, что я рисую в своей студии под надзором мистера Грейвса, и она отправилась пить чай и играть в бридж. После тетя обычно любит вздремнуть. Я не собиралась уходить надолго!

На лице Катрионы отразилось одновременно неодобрение и разочарование.

– Когда-нибудь ты угодишь в жуткие неприятности.

– Да, причем уже завтра! – Хэтти бросила на нее умоляющий взгляд. – Пообещай, что придешь! В присутствии близкой подруги я не буду так нервничать.

– Вряд ли мистер Блэкстоун накинется на тебя прямо в гостиной твоих родителей, – заметила Катриона. – Особенно учитывая, что первый раз вышел по недоразумению.

При мысли о том, что Блэкстоун может снова на нее накинуться, Хэтти обдало жаром. Увы, она вспоминала о его поцелуе слишком часто.

– Рационального объяснения у меня нет, – призналась Хэтти, – и я знаю, что веду себя глупо, но при мысли о встрече с ним у меня внутри все замирает и руки дрожат. Если ты придешь, мои нервы наверняка будут гораздо спокойнее.

Катриона смерила ее долгим непроницаемым взглядом.

– Пожалуй, без подруги тебе не обойтись, – наконец сказала она. – Однако, как я уже говорила, завтра у нас с отцом встреча в Королевском научном обществе. Почему бы тебе не позвать Аннабель?

– Она готовится к отъезду во Францию на все лето. К тому же мама ни за что не позволит мне пригласить на такое неформальное мероприятие герцогиню!

– Хм. – Катриона покусала ноготь и застенчиво отдернула руку. – Берлингтон-хаус всего в полумиле от особняка твоих родителей...

– Ну да! – поспешно подтвердила Хэтти.

– Так что я вполне могу успеть, если уйду сразу после концерта.

– Конечно!

– А вот на ланче, боюсь, тебе придется справляться самой.

* * *

Он не появился ни перед концертом, ни во время него. Все сорок минут Хэтти нервничала и потела под Шопена и Брамса, а Блэкстоун самым возмутительным образом отсутствовал.

– Не понимаю, – пожаловалась она Катрионе, плетясь в хвосте длинной вереницы гостей в столовую. – Почему он пренебрег маминым приемом, хотя сперва приглашение принял?

– Может, заболел? – прошептала Катриона.

– Вид у него был вполне цветущий.

– Лучше спроси у матери. Ей наверняка известна отговорка, которой он отделался.

– Не хочу рисковать, проявляя лишний интерес.

Хэтти даже радовалась, что Блэкстоун не пришел. Мать нарядила ее в блеклое зеленое платье – цвет ей шел, однако фасон был ужасен. Рукава – слишком пышные сверху, внизу подола – целых два ряда оборок, на лифе – буйство кружев. По отдельности эти детали смотрелись бы прекрасно, но все вместе производили удручающее впечатление. И, разумеется, платье обтягивало девушку слишком сильно. Иногда она задавалась вопросом: то ли мать совершенно лишена чувства стиля, то ли сознательно делает из нее чучело. Даже Катриона в простом темно-синем бархатном платье выглядела более элегантно, хотя в моде разбиралась слабо.

Из боковой залы доносились звуки струнных инструментов, гости разбились на группки и брали закуски с подносов, которые разносили бесшумные лакеи. Поскольку ланч был неофициальный, женщины в сопровождении не нуждались. Мать в компании тетушки беседовала с юной миссис Эсторп и миссис Хьюитт-Кук, американкой. Они расположились аккуратно рядом с мольбертом, где стоял очень большой и весьма посредственный натюрморт Хэтти – миска с фруктами и овощами.

Хэтти поежилась и взяла Катриону за руку.

– Успеваешь подкрепиться? Может, бокал сидра или шампанского? И давай посмотрим, что там с закусками.

Взгляд Катрионы скользнул к часам с маятником между двумя сервантами, которые в данный момент использовались как столики для фуршета.

– Бокал сидра, – решила она.

Хэтти потягивала холодный терпкий напиток из фужера на длинной ножке, и ее щеки медленно остывали. От аппетитных запахов заурчало в животе. Еда выглядела очень заманчиво: исходящие паром серебряные супницы, тарелки с холодной мясной нарезкой и пироги с золотистой корочкой, красиво расставленные между композициями из оранжерейных цветов. Вероятно, декором занималась Мина. Еще более соблазнительными казались многоярусные блюда на соседнем столе: горшочки с тушеными фруктами, пирожные с кремом и конфеты в шоколадной глазури...

Хэтти застыла, заметив краем глаза темную фигуру. По спине прокатилась волна паники. В дверях стоял он! При появлении гостя в кожу девушки словно впились тысячи иголок.

– Думаю, он здесь! – прошептала она, не шевеля губами. – Не смотри!

Катриона сделала глоток сидра, и ее взгляд скользнул в сторону.

– Вот это да!

Они повернулись к дверям спиной, притворившись, что выбирают закуски. Хэтти не видела перед собой ровным счетом ничего.

– Теперь ты понимаешь, почему я сперва приняла его за пирата?

– Честно говоря, нет, – пробормотала Катриона, слегка замявшись.

– Неужели?

– На головореза он не похож, Хэтти.

– Не похож, – признала девушка. – Но ведь он не джентльмен!

– Ты говорила, что он шотландец. Наверное, из горцев. В килте он выглядел бы весьма впечатляюще.

Хэтти захлопала глазами. Ну и воображение у Катрионы!

– Как ты узнала, что он горец?

Катриона улыбнулась немного смущенно.

– Когда горец входит в комнату, полную англичан, у него весьма характерный взгляд – острый, как палаш. Он словно говорит: вы разбили нас при Каллодене, однако дух наш не сломлен.

У Хэтти отвисла челюсть.

– Так вот о чем ты думаешь, входя в комнату, полную англичан?

– Зря волнуешься, – заверила Катриона. – Моя мать – уроженка Сассекса. К тому же я чаще бываю в Оксфорде, чем в Эпплкроссе. – Она бросила взгляд через плечо. – Можешь посмотреть, он занят беседой с твоей матерью.

Пальцы Хэтти стиснули фужер.

– О нет!

– Это ничего не значит – он просто здоровается с хозяйкой.

Катриона посмотрела на часы.

– Прошу, останься!

– Извини, – сказала Катриона скрепя сердце, – мне и правда пора. – Она поставила пустой фужер на проплывающий мимо поднос. – Можешь проводить меня до дверей, а потом уйти и спрятаться в своей комнате?

– Да, – пробормотала Хэтти, чувствуя дурноту. – Отличный план.

Она избегала смотреть на гостя, пока шла мимо. Она избегала смотреть на него, пока Катриона прощалась с хозяйкой. Несмотря на легкое головокружение, Хэтти услышала, как

мать велит лакею проводить Катриону до дверей. Обменявшись с подругой беспомощным взглядом, она покорила неизбежному.

– Хэрриет, я хочу познакомить тебя с мистером Блэкстоуном, – объявила мать. – Мистер Блэкстоун – лондонский коммерсант. Мистер Блэкстоун, позвольте представить вам мисс Хэрриет Гринфилд, нашу вторую по старшинству дочь.

Хэтти посмотрела в невозмутимые серые глаза, и ее сердце пустилось вскачь. Блэкстоун выглядел ровно так же эффектно, как ей запомнилось: бледная кожа, темные брови, широкие скулы. Губы хорошо очерченные, но не полные. Почему же они такие нежные? Даже думать об этом было ошибкой! В его глазах мелькнуло понимание, и воспоминание о поцелуе разгорелось между ними, словно огонь на тлеющих углях. Похоже, жаром обдало всех присутствующих.

Хэтти опустила пылающее лицо.

– Сэр.

– Мисс Гринфилд.

Голос у него был ниже, чем ей запомнилось. Хэтти бросила робкий взгляд из-под опущенных ресниц. Сегодня Блэкстоун оделся в темно-синий сюртук, бордовый галстук, серый жилет и бежевые брюки, волосы тщательно зачесал назад. Впрочем, добропорядочности это ему не прибавило. Неукротимый нрав сочился из всех пор, и одеждой его было не скрыть. Катриона права: килт и палаш пошли бы ему больше, эффектно подчеркивая, а не скрывая натуру...

– Мисс Гринфилд, – прервала размышления Хэтти миссис Эсторп. – Миссис Гринфилд упомянула, что вы все еще учитесь в Оксфорде?

В карих глазах миссис Эсторп сияло неподдельное любопытство. Молодая женщина, почти ровесница Хэтти, уже несколько лет была замужем за промышленным магнатом вдвое ее старше. Вероятно, женщина с университетским образованием казалась ей пришельцем с другой планеты.

– Да, – ответила Хэтти. – В колледже Леди-Маргарет-Холл. На прошлой неделе закрыла летний семестр.

– Как мило, – заметила миссис Хьюитт-Кук, американка. – А сколько сейчас всего студентов?

Красивая брюнетка, по возрасту ближе к матери Хэтти. Модное бордовое платье туго облегло ее фигуру – вероятно, так и было задумано. Хэтти вперила взгляд в брошь на груди собеседницы, чтобы не смотреть на Блэкстоуна.

– В колледжах Соммервиль-Холл и Леди-Маргарет-Холл числится двадцать пять женщин.

– Веселая у вас компания! – пылко воскликнула миссис Хьюитт-Кук. – Вы наверняка славно проводите время. Расскажите, каково это – быть новой женщиной?

На языке Хэтти завертелось слишком много ответов, но подходящего не было... На ум пришла крыса, которую она хотела завести в качестве домашнего питомца, однако передумала, потому что прямо перед началом семестра узнала, что идея не новая – белая крыса уже сидела на плече у какой-то студентки. Она почувствовала тяжелый взгляд Блэкстоуна и промямлила, поправив волосы:

– Весьма занятно... Быть новой женщиной весьма занятно.

– Могу себе представить! – откликнулась миссис Хьюитт-Кук. – Среди синих чулок наверняка попадаются феерические личности.

Уловив подколку, мать Хэтти напряглась.

– Может, одна или две, – заметила Хэтти. – По большей части мы совершенно прозаичны. Миссис Хьюитт-Кук негромко рассмеялась.

– О, миссис Гринфилд, она очаровательна!

– Женское высшее образование вызвало сильный резонанс, – с прохладцей проговорила Адель. – На самом деле в университете молодых женщин блюдут больше, чем где-либо еще. Хэрриет, к примеру, нигде не появляется без сопровождения миссис Гринфилд-Каррутер, – она кивнула на тетушку, – и, разумеется, всегда находится под бдительным оком личного охранника.

При этих словах левая бровь Блэкстоуна чуть поднялась.

– Приятно видеть, как женщины развивают свои таланты, – сказала юная миссис Эсторп. – Мы тут как раз восхищались вашей картиной, мисс Гринфилд.

Все обернулись, чтобы посмотреть на ученическую работу, которую Хэтти с таким трудом выбрала на замену злосчастной «Персефоне». Деревянная миска с плохо проработанной фактурой, скучный набор фруктов и овощей.

Блэкстоун взглянул Хэтти в глаза.

– Это нарисовали вы?

Она подумала о том, сколько произведений искусства собрано в одной только приемной Блэкстоуна.

– Да. – «Знал бы он, что я могу рисовать намного лучше!»

– Замечательно, – вежливо отозвалась миссис Хьювигт-Кук.

Натюрморт вовсе не был замечательным, и Хэтти это прекрасно понимала, но признать перед гостями не могла, поэтому улыбнулась и поблагодарила:

– Спасибо, мэм.

– В чем символизм вашей картины? – осведомилась миссис Хьювигт-Кук. – Никак не могу разгадать.

Хэтти смутилась.

– Символизма в ней нет.

– А как же тыква? – Миссис Хьювигт-Кук указала изящным пальчиком. – Она созревает гораздо позже, чем изображенные на картине фрукты и овощи. Почему вы включили ее в композицию?

Теперь все уставились на тыкву, столь бесстыдно выпуклую и выкрашенную в телесный цвет.

– Полагаю, ее форма удачно вписалась в изобразительный ряд, – немного резко ответила Хэтти.

– Какое нестандартное решение! – проговорила миссис Хьювигт-Кук.

– Наша Хэрриет очень талантлива, – громко сказала тетушка. – Я твержу мистеру Гринфилду, что не каждый обязан смыслить в цифрах и ценных бумагах. В ее годы у меня тоже не было склонности к коммерции, и все же я благоденствовала. Некоторые из нас созданы украшать мир кистью для живописи или иглой для вышивания, а не извлекать из него пользу с помощью практичного ума.

Хэтти стояла молча, чувствуя, как пылают щеки. Мать тоже лишилась дара речи. Мисс Хьювигт-Кук, похоже, решила проявить жалость.

– Мистер Блэкстоун, – с улыбкой повернулась она к коммерсанту. – Насколько я понимаю, у вас есть талант к выгодным вложениям?

Блэкстоун смерил миссис Хьювигт-Кук ироничным взглядом.

– Скорее да, чем нет.

– Тогда вы должны поделиться с нами секретами, – проговорила американка. – Мне бы так хотелось удивить мистера Хьювигт-Кука точным прогнозом состояния рынка!

Губы Блэкстоуна скривились в легкой усмешке.

– Не хочу утомлять вас деловыми разговорами, мэм.

– Тогда как насчет парочки изобретений, которые произведут следующую промышленную революцию? – С истинно американским упорством миссис Хьювигт-Кук отказывалась

пасовать перед неучтивостью. – Хотя бы намекните нам, бесталанным, что за новые технологии грядут – разве это не занятно?

Она окинула взглядом их небольшую группу, требуя одобрения.

– Очень занятно, – пробормотала миссис Эсторп.

– Да-да, – без особого энтузиазма отозвалась Адель.

Лицо Блэкстоуна смягчилось лишь после того, как Хэтти едва заметно кивнула.

– Электричество, – объявил он.

Повисла пауза, и все взоры устремились на шотландца. Взгляд Блэкстоуна украдкой скользнул по комнате то ли в поисках лакея, разносящего крепкие напитки, то ли ища кратчайший путь отхода.

– Электричество, – повторила миссис Хьюитт-Кук и подозвала официанта, чтобы взять бокал розового шампанского. – Хотите сказать, нам стоит вложить средства в рынок электрических лампочек?

Блэкстоун взял с подноса стакан с янтарной жидкостью. Когда он поворачивался в профиль, становилось видно, что на затылке непослушные волосы одерживают победу над средством для укладки.

– Вкладывайтесь в акции компании, которая запатентовала процесс серийного производства термостойких насосов для питания паровых котлов.

Миссис Эсторп захлопала ресницами. На лице Хэтти проступило не меньшее недоумение.

– Насосы для питания паровых котлов, – четко выговорила миссис Хьюитт-Кук. – Вам удалось меня заинтриговать, поскольку я не поняла ни слова!

Любой нормальный мужчина улыбнулся бы и рассыпался в любезностях, но Блэкстоун был к этому не способен или же не пожелал следовать протоколу.

– Насос для питания парового котла является важным элементом электрогенератора, – пояснил он, – необходимым для превращения пара в электричество. Лет через десять в Британии и на континенте появятся сотни энергетических станций, и тогда мы сможем смело использовать электричество для освещения домов и для других нужд. – Заметив жадное любопытство миссис Хьюитт-Кук, он добавил: – Побочный продукт выработки электричества – тепло, поэтому электричество сможет заменить существующие способы нагрева в нынешних бытовых приборах – кухонных плитах, к примеру.

Сдержанность Блэкстоуна была нетипична для коммерсанта – Хэтти знала многих, которые с готовностью хватались за поднятую тему, желая выпятить собственную значимость, нежели раскрыть предмет разговора, и они в большей или меньшей степени разделяли убеждение, что женская аудитория должна им согласно кивать, окидывая восхищенными взглядами. Однако Блэкстоун в восхищении, видимо, ничуть не нуждался и голоса не повышал. Мужчина, невосприимчивый к женскому обаянию, – опасное существо, ведь больше бедняжкам себя защитить нечем. Заинтригованная миссис Хьюитт-Кук наблюдала за Блэкстоуном, словно за экзотическим животным, требующим немедленной классификации.

– Потрясающе, – пробормотала она. – С насосами понятно, но мой аппетит до новых знаний только вырос. Расскажите нам еще что-нибудь!

У Хэтти снова возникло неловкое чувство, что Блэкстоун ждет ее одобрения. Когда она кивнула, шотландец опустошил бокал и произнес:

– Двустороннее зеркало.

– Какое-какое? – переспросила тетушка.

– Зеркало, через которое можно смотреть, как через окно.

– Зачем нужно зеркало, через которое все видно?

– Видно лишь с одной стороны и при ярком свете, – пояснил Блэкстоун. – Другая показывает обычное отражение.

Миссис Хьюитт-Кук ахнула.

– Гениально! И где его можно купить?

– Пока нигде. Разработки только начались.

– Какой же от него прок? – воскликнула тетушка.

Блэкстоун чуть наклонился к ней.

– Полагаю, их станут использовать для наблюдения в полицейских участках и в универмагах, мэм.

– В универмагах! – возмутилась мать Хэтти. – Вы имеете в виду, чтобы шпионить за невинными покупательницами?

– Скорее, чтобы лучше понять своих клиентов, – сказал Блэкстоун. – Конкуренция между универмагами растет, и изучение покупательских предпочтений людей, которые не знают, что за ними ведется наблюдение, может помочь магазину увеличить объемы продаж.

Миссис Хьюитт-Кук покачала головой.

– Весьма умно, – пробормотала она. – Как вам удастся так ловко мыслить на перспективу?

Блэкстоун слегка улыбнулся.

– Это просто. Нужно лишь помнить, что люди в основном руководствуются комфортом, тщеславием или жадностью. Любой товар, который удовлетворяет этим запросам, будет иметь коммерческий успех.

Последовала неловкая пауза.

– Полагаю, это довольно богопротивный взгляд на мир, – холодно заметила Адель.

Блэкстоун кивнул.

– Не зря говорят, что капитализм поклоняется лишь самому себе.

Тетушка хихикнула.

– Мистеру Блэкстоуну стоит познакомиться с нашей Флоренс, – сказала она Адели. – Им нашлось бы что обсудить.

– Сначала я хотела бы представить мистера Блэкстоуна мистеру Гринфилду, – резко проговорила Адель, переведя взгляд к дверям в залу, через которые как раз входил ее муж. – Извините, мы вас покидаем.

При виде того, как Блэкстоун приближается к отцу, беспокойство Хэтти взметнулось роем потревоженных пчел. Миссис Хьюитт-Кук со щелчком открыла веер с пластинками из слоновой кости.

– Господи, он просто дикий зверь, – пробормотала она, искоса глядя на широкую спину Блэкстоуна. – Причем, что называется, с головы до ног.

Хищный восторг в ее голосе задел и без того истерзанные нервы Хэтти.

– Бедные лорд и леди Ратленд, – заметила миссис Эсторп. – Представляю, как тяжело им приходится.

Перед мысленным взором Хэтти возникло лицо лорда Ратленда, которого она видела однажды на балу: обычное, бесстрастное лицо пожилого английского аристократа с холодными глазами и седой шевелюрой.

– А что он делает с Ратлендом? – спросила девушка.

– Медленно убивает, – ответила миссис Хьюитт-Кук, не сводя глаз со сцены знакомства в дальнем конце залы. – У Ратленда серьезные финансовые затруднения. По слухам, за последние годы Блэкстоун скупил большую часть его долгов, а надежной финансовой опоры у Ратленда сейчас нет. Долг Блэкстоуну висит над головой лорда, словно дамоклов меч.

Миссис Эсторп содрогнулась.

– Ужас! Насколько я понимаю, здоровье леди Ратленд оставляет желать лучшего.

Хэтти пожалела, что задала вопрос. Подобная низость со стороны Блэкстоуна заставила ее усомниться и в моральных принципах собственного отца. Хуже того, Хэтти ощутила жгучее разочарование, словно возлагала на моральный облик Блэкстоуна большие надежды.

– Мужчины бывают такими кровожадными, – промурлыкала миссис Хьюитт-Кук. – Кстати, что вы думаете про его нос – где он его сломал? – В ответ на удивленное молчание американка подняла веер повыше, словно желая укрыть им своих собеседниц. – Миссис Эсторп, у вас наверняка есть идеи.

Миссис Эсторп нервно хихикнула.

– Ну что ж. – Она подалась вперед. – Он сломал свой нос, когда... когда подрался из-за женщины!

– Хм-м, интригующе. Несомненно, он вышел победителем и настойчиво заявил свои права на добычу. Если честно, я думаю, что нос он сломал во время боксерского поединка в «Слоне и замке» или каком-нибудь другом подобном заведении... Мисс Гринфилд, мы не шокируем вас своими разговорами? – посмотрела она на Хэтти с притворной заботой.

Некоторые замужние женщины любят напоминать незамужним об их незавидном статусе, прикрываясь заботой о невинности. Так они подводят черту, разделяя знающих и незнающих, – завуалированная демонстрация силы, которая всегда изумляла Хэтти, поскольку она вряд ли представляла угрозу для светских дам. Однако, глядя в довольное лицо миссис Хьюитт-Кук, ей захотелось проявить кое-какую осведомленность о мистере Блэкстоуне – к примеру, о свежем запахе его тела и о вкусе его губ. Хэтти знала, что целуется он властно и что грудь у него твердая, как стена. Низменный уголок ее души буквально светился от торжества: ей известно о нем такое, чего никогда не узнают люди, охочие до его денег, и даже искушенная светом миссис Хьюитт-Кук. Конечно, Блэкстоуну известно про Хэтти то же самое. Девушка густо покраснела. К счастью, миссис Хьюитт-Кук сочла это за проявление девичьего смущения.

– Я понятия не имею, как он сломал нос, – запинаясь, проговорила Хэтти.

Миссис Эсторп одарила ее доброй улыбкой.

– Мистера Эсторпа больше интересует, как он получил свой капитал!

– Деньги – такая скука! – поддразнила миссис Хьюитт-Кук. – Полагаю, тут не обошлось без преступной деятельности. Может, контрабанда? В нем определенно есть сходство с пиратом.

Хэтти решила, что уж лучше терпеть гневные нотации матери, чем это. Она возьмет бокал розового шампанского, проскользнет к столу с десертами, захватит несколько шоколадных конфет и уйдет к себе. Она не бросит ни единого взгляда на Блэкстоуна, не станет смотреть, как натягивается на мощной спине ткань сюртука, и стойко проигнорирует курчавые завитки волос у него на затылке!

Глава 6

Дочь Гринфилда не сбежала из комнаты при первой же возможности. Вскоре она исчезла из его поля зрения, однако Люциан ощущал ее присутствие на протяжении всей беседы с Джулианом Гринфилдом.

– Я слышал, вы недавно отхватили угольную шахту в Файфе, – заметил банкир, крепко пожав руку Люциана.

– Да, отхватил. В Драммуире.

– Полагаю, вам известно нечто такое, чего не знаем мы, – проговорил Гринфилд, – потому что, на мой взгляд, это весьма паршивое вложение средств.

– Полагаю, у всех нас есть некоммерческие проекты, – отозвался Люциан. – У кого-то на севере, у кого-то – на юге.

Гринфилд рассмеялся, лукаво прищурившись. Похоже, его веселость обманчива. Если переодеть толстяка в обычный твидовый костюм, забрать золотые карманные часы и снять с пухлого короткого мизинца тяжелый перстень-печатку, никто и не заподозрит в нем человека, обладающего властью и фамильным капиталом. Банкир стоял, чуть сторбившись, – упитанный, румяный коротышка, явно склонный к возлияниям. Взгляд рассеянный, хотя в любой миг может стать пристальным. Гринфилд освоил тонкое искусство наносить смертельный удар задолго до того, как противник это осознает.

В краткой беседе Люциан намеренно упомянул о своих филантропических планах и пригласил банкира на экскурсию по домашней галерее в ближайшую субботу, чем вызвал хмурый взгляд его супруги. В ответ Люциану предложили пройти в курительную комнату. Обычно он избегал задымленных помещений, но сегодня отказываться не стал. Едва хозяин отвлекся на другого гостя, Люциан вернулся в общую залу.

Дочь Гринфилда все еще стояла у буфета с закусками, выбирая конфеты.

Подходя, Люциан старался держаться в ее слепой зоне. Опасно накренив бокал с шампанским, девушка неловко склонилась над блюдом с выпечкой, пытаясь дотянуться до самых дальних сладостей. В такой позе платье плотно облегалo ее роскошные бедра, которых не заметил бы только слепой. Люциана обдало жаром. Он вовсе не рассчитывал встретить ее в облике оборванки, заявившейся к нему в галерею, и все же ей удалось его удивить. Хэрриет Гринфилд была чуть ниже среднего роста, сверкающие рыжие кудри уложены в высокую прическу, соблазнительную фигурку обтягивали оборочки и зеленая тафта, наводя на мысль о маленькой, лакомой конфетке – шедевре французской кулинарии. Если бы Люциан подошел ближе и прикоснулся губами к обнаженной шее, то наверняка ощутил бы вкус сливочного крема.

Он остановился с ней рядом – достаточно близко, чтобы вдохнуть запах розовых духов, и взял тарелку.

– Почему именно «Офелия»? – тихо спросил Люциан.

Шампанское выплеснулось на скатерть. Девушка взвилась, словно испуганная кошка.

– Прошу прощения? – Она старалась отстраниться.

– Когда вы были у...

– Тише! – прошипела она, потом съежилась, видимо, смутившись, что шикнула на него.

Люциан положил на тарелку первую попавшуюся выпечку, давая девушке возможность взять себя в руки.

– Почему «Офелия»? – тихо повторила мисс Гринфилд. – Да ведь она просто чудо!

– Вам доводилось ее видеть?

Взгляд девушки заметался по зале, заметил Люциан краем глаза. Она разговаривает с ним лишь для того, чтобы не привлекать внимания. Несомненно, на них и так уже все смотрят. От женщин у Люциана и правда отбоя не было, однако их интересовала лишь его спальня, и на

подобных светских раутах те же самые женщины стремились увести от него своих драгоценных дочерей и племянниц как можно дальше и скорее. Милая беседа с мисс Гринфилд надолго не затянется.

Люциан повернулся как раз в тот момент, когда девушка нехотя развернулась к нему. Ее лицо он уже успел изучить – на носу россыпь веснушек, губы мягкие и сладкие. Глаза темные и блестящие, словно шоколадки на тарелке. Он ничуть не обольщался на ее счет, поскольку отлично помнил пощечину, которую она ему залепила. Мисс Гринфилд левша, и только поэтому ей удалось застичь его врасплох, как Люциан понял позднее, – удара слева он никак не ожидал. Да что там, он вообще не ожидал удара: вне ринга на него никто не отважился поднять руку. За эту пощечину ее заужала бы сама Айоф Бирн...

– Я видела репродукции, – сообщила девушка. – Должно быть, в натуральную величину и в исходном цвете она поистине завораживает.

– Завораживает, значит, – повторил Люциан.

Она вздернула подбородок.

– Эта картина – непостижимая, она вызывает чувство неизбыточной тоски... Как и все работы прерафаэлитов, кстати. Насколько понимаю, «Офелия» воплощает их главные принципы. Мне думалось, что, посмотрев на картину подольше, я смогу разгадать тайну братства.

– У прерафаэлитов есть тайна?

Она кивнула.

– Нечто в их технике придает сюжету сочность и романтичность, но не приторность, делает его причудливым, но не слащавым. – Мисс Гринфилд говорила быстро и совсем не то, что сказала бы обычная девушка. Ему подумалось, что так выражаются персонажи романов.

– Неужели у вас не вызывает неприятия, что Офелия вот-вот покончит с собой? – спросил Люциан с неприкрытым сарказмом. Ему следовало бы успокоить девушку, а не шокировать, однако его раззадорили ее маленький курносый носик и наивный восторг перед смертью от утопления.

Неожиданно ее взгляд смягчился, словно они перешли к обычной беседе.

– Я предпочитаю думать, что героиня умерла от неразделенной любви, – сообщила Хэрриет, – и нахожу это скорее трагичным, нежели заслуживающим презрения.

Он посмотрел ей прямо в глаза.

– Значит, вы считаете трагедию завораживающей?

Она чуть нахмурилась.

– Я считаю, что каждый заслуживает любви, за которую готов умереть.

Он удивленно хмыкнул.

– Офелия умерла не ради Гамлета, – заметил Люциан, – а из-за него.

Он это знал, поскольку старик Грэм иногда таскал его в театр на пьесы Шекспира, пытаясь хоть немного окультурить подростка-невежу.

Складка между бровями мисс Гринфилд углубилась.

– Похоже, разница для вас существенная.

– В любом случае это неважно – ни один человек не стоит того, чтобы ради него умирать.

Она посмотрела на собеседника необычайно серьезно.

– В таком случае мне вас очень жаль, сэр!

У Люциана перехватило дыхание – из него словно вышибли дух. Он опустил взгляд на тарелку, заполненную дорогими деликатесами, пробовать которые даже не собирался.

– Почему вы ее купили? – раздался нежный голос.

Он поднял взгляд.

– Когда-нибудь эта картина будет стоить очень дорого.

Ее лицо вытянулось. Казалось, идея выгоды удручила мисс Гринфилд, хотя сама она ни дня не прожила вне комфорта, который дают большие деньги. Ее кожа была лишним тому

подтверждением – сияющая здоровьем и гладкая, словно молочное стекло. Подобная кожа никогда не знала ни палящего солнца, ни физического труда.

– Если вас интересует только выгода, – проговорила девушка, – то меня удивляет, почему вы относитесь столь небрежно к вазам династии Хань, что стоят на вашей каминной полке.

Люциан замер.

– С чего вы решили, что они принадлежат династии Хань?

– Я знаю. Книги по истории искусства я начала изучать задолго до поступления в Оксфорд, – ответила мисс Гринфилд, слегка пожав плечами. – Кто-то может сказать, что место им – в Британском музее или что их следует вернуть китайской дипмиссии в Портленд-плейс. – Она пригубила шампанское и рассеянно облизнула губы.

Люциан едва оторвал взгляд от ее рта.

– По-вашему, держать вазы династии Хань дома необычно и лучше оставить их пылиться в музее?

– Даже если они относятся к давно утраченной коллекции императрицы Лин-ди? – прошептала она.

Люциан и не помнил, когда кому-нибудь удавалось выбить его из колеи. Вероятно, преимущество девушки в том, что ее легкомысленный и жизнерадостный облик заведомо вводит собеседника в заблуждение.

– У меня возникло чувство, что подобный рельефный рисунок встречается на вазах династии Хань, – продолжила она. – И я подтвердила свои подозрения, отправившись в Бодлеанскую библиотеку и полистав книгу пятнадцатого века по керамике, где нашлись образцы рисунков. Впрочем, я могу и ошибаться.

– Вы сами знаете, что правы, – тихо сказал Люциан. Несколько лет назад он обращался к той же книге, и мисс Гринфилд была права по всем пунктам. – Вы чрезвычайно наблюдательны. Вопреки тому, что думает ваша тетушка, вы вполне можете оказаться самой умной в этой зале и уж точно обладаете самой лучшей зрительной памятью. При этом вы не в силах вообразить, что человек способен скупать бесценные предметы искусства и обращаться с ними, как с дешевыми безделушками, просто потому, что ему это приятно.

Люциан знал, что его слова звучат возмутительно, но еще более возмутительным был тот факт, что ей удалось вызвать его на откровенность.

– Если это правда, – выдохнула девушка, широко распахнув глаза, – то вы ужасный эгоист!

– Я могу себе это позволить, мисс Гринфилд.

Тепло ее кожи коснулось его щеки – разделявшее их расстояние исчезло. Если бы он склонился еще чуточку ниже, то мог бы лизнуть уголок ее рта. Желание захватило Люциана, зала потускнела и расплылась, а ее лицо осталось четким, причем до последней золотистой веснушки...

– Хэрриет!

Люциан выпрямился и отступил. Рядом замаячил сынок Гринфилда, а он даже не заметил, как тот подошел. Молодой человек вклинился между ним и сестрой, глядя с холодным недоверием. Наконец-то явился бдительный страж, которого Люциан ожидал с тех пор, как направился к столу с десертами. Он едва не воскликнул: *почему ты столько мешкал, болван?*

– Мистер Блэкстоун объяснял мне кое-что про искусство, – пояснила Хэрриет брату дрогнувшим голосом.

– Скорее наоборот, – возразил Люциан.

Враждебность во взгляде Закари Гринфилда лишь усилилась. Люциан посмотрел мимо него на девушку.

– Я недавно открыл доступ посетителям к моей коллекции в Челси, – объявил он, и та побелела, словно мел.

– Как интересно, – холодно проронил юный Зак.

– Мне хотелось бы пригласить вас на экскурсию в следующую субботу, – продолжил Люциан. – Если увиденное вам понравится, мисс Гринфилд, вы могли бы поддержать мою новую благотворительную затею для начинающих художников.

– Все это мило, но не Хэрриет решать, идти ей на вашу экскурсию или нет! – взвился Закари Гринфилд и властно ухватил сестру под локоток. – Хэрриет, мама хочет с тобой поговорить перед началом фуршета.

– Закари! – пробормотала Хэрриет.

Она покраснела гораздо сильнее, чем когда тетушка оскорбила ее ум. Похоже, не привыкла, что с ней обращаются как с рабыней на людях, и не смогла сдержать недовольство. Когда брат повел Хэрриет прочь, ее щеки гневно пылали.

А Люциан пришел к выводу, что его единственная миссия на сегодня – убедить отца Хэрриет Гринфилд разрешить ей вернуться в особняк в Челси.

Час спустя миссия завершилась успехом в курительной комнате, и Люциан снова очутился в душном экипаже, следующем в Белгравию. Он просеял сплетни, собранные Мэтьюсом в людской, и не обнаружил ничего интересного, кроме разговоров о скорой помолвке младшей дочери Гринфилда с рыцарем.

– Кстати, о публичных посещениях моей галереи, – начал Люциан.

– Да, сэр? – Мэтьюс потянулся за блокнотиком и карандашом, которые всегда носил в нагрудном кармане.

– Верни их в список.

Лицо Мэтьюса просветлело.

– С радостью.

– Первая экскурсия состоится в следующую субботу. К этому дню нужно учредить благотворительный фонд поддержки начинающих художников.

Помощник оторвал взгляд от страницы.

– Экскурсию устроить можно, но вот насчет фонда... Боюсь, быстро найти хороших меценатов не выйдет.

– Пусти слух, что дочь Гринфилда нас поддержит, и желающие набегут.

Мэтьюс застыл и опустил глаза в пол.

– Сэр, – наконец проговорил он. – Дочь Гринфилда...

– Да?

– Ей ничего не грозит?

Люциан посмотрел на него пристально.

– И что ты сделаешь, если я отвечу «грозит»?

Плечи помощника поникли.

– Сэр, я многим вам обязан, – пробормотал он, – но меня замучает совесть, если я поспособствую гибели невинной девушки.

– Гибели, значит, – повторил Люциан с презрением. Интересно, что вынудит Мэтьюса сбежать? Пожалуй, только убийство. Мэтьюс не мог себе позволить укусить руку, которая его кормит.

Люциан отдернул шторку на дверце кареты и прищурился от яркого света. Солнечные лучи отражались от ряда стандартных белых особняков, словно от свежего снега, и контуры улицы продолжали светиться за сомкнутыми ресницами. Белгравия, один из самых богатых районов Лондона, стала и его пристанищем. Когда он впервые попал сюда несколько лет назад, даже дома для среднего класса на окраине района представлялись ему роскошными. В воздухе пахло сиренью, а спокойствие и чистота улиц заставляли Люциана все время держаться начеку. Он стоял на тротуаре в своем лучшем костюме и цилиндре, чувствуя себя крайне неудобно, и боялся, что любой из проходящих мимо джентльменов распознает в нем самозванца и про-

гонит прочь. Богатство, новая жизнь казались Люциану недолговечными, словно мыльный пузырь, готовый взорваться маслянистыми каплями от любого прикосновения. В окружении великолепия он вспоминал о голодных спазмах в животе и о холоде, пробирающем до костей. Проходя по улице, Люциан до сих пор порой задумывался, что сказала бы его бабушка, если бы он подарил ей один из этих прекрасных домов с двумя колоннами, поддерживающими портик. Он мог бы купить ей хоть особняк, но она непременно отказалась бы – бабушка Маккензи гордилась тем, что умеет обходиться малым.

Я считаю, что каждый заслуживает любви, за которую готов умереть. Изуродованный шрамом уголок рта скривился в усмешке. А что, если все, кого ты любил, давно умерли и обратились в прах, Мисс расфуфыренная вертихвостка?

Он выпустил штормку и откинулся на бархатную спинку сиденья. Люциан так и не узнал, что его бабушка сказала бы, увидев новый дом, – он вернулся за ней слишком поздно. Однако еще не поздно исполнить другие свои обещания: добиться справедливости для матери и для Сёрши, обеспечить будущее безликой массе людей, чьи жизни стоят меньше, чем вонючая сигара Гринфилда. Ирония заключается в том, что для этого ему придется дать еще одну клятву еще одной женщине.

Он бросил взгляд на своего помощника.

– Не волнуйся насчет девчонки Гринфилдов, Мэтьюс. Намерения у меня самые честные. Мэтьюс ошарашенно выкатил глаза, сообразив, что он имеет в виду.

– О боже, – наконец пробормотал помощник, еще более удрученный, чем прежде.

Глава 7

– Меня так и подмывает подчиниться воле отца и пойти на экскурсию по галерее, – призналась Хэтти Катрионе несколько дней спустя, сидя в своей гостиной в Рэндольфе.

Подруга одарила ее косым взглядом поверх золотого ободка чашки.

– Тебя привлекает коллекция картин или ее одиозный владелец?

– Очень смешно, – пробормотала Хэтти. – Тебя шокирует, если я скажу, что мне хочется поддержать его благотворительное начинание для живописцев?

– Чье начинание?

– Мистера Блэкстоуна.

Катриона поставила чашку с блюдечком на столик.

– Разумно ли это?

Хэтти со вздохом поднялась с диванчика и взяла с блюда эклер.

– Пожалуй, нет, – признала она. – Честно говоря, когда у меня просят картину или покровительства, я не могу избавиться от ощущения, что обязана этим положению отца.

– Почему? – озадаченно поинтересовалась Катриона. – Твои работы вполне хороши и сами по себе.

– Помнишь грандиозную выставку цветов и птиц при поддержке Королевского садоводческого общества?

– Нет, не помню.

– Так вот, лишь на моей картине не было ни одной птицы!

– Вот как.

– Приглашение Блэкстоуна вряд ли вызвано желанием заручиться расположением моего отца, поскольку именно отец долго пытался завязать с ним деловые отношения.

– Вопрос в том, что им движет, – пробормотала Катриона.

Хороший вопрос. Хэтти сомневалась, что Блэкстоуна впечатлил ее талант, ведь единственной картиной, которую он видел, была «Тыква»... Но ей очень хотелось думать, что ее выбрали ради нее самой. Жаль, что их слаженный квартет распался, ведь тогда Хэтти могла бы услышать и другие мнения, кроме безжалостно здравых умозаключений Катрионы. На прошлой неделе Аннабель с герцогом уехали в свой замок в Бретани, а любимое место Люси на желтом диванчике тоже пустовало, потому что она отбыла в Италию. Сегодня самой Хэтти предстояло вернуться в Лондон: семестр закончился, да и лишняя неделя, которую родители позволили ей провести в Оксфорде, тоже.

Она вяло отщипнула кусочек пирожного.

– Мне хочется пойти на экскурсию и принять участие в затее мистера Блэкстоуна, потому что через пару недель я буду умирать от скуки. Лето в Лондоне мне не нравится, и я уже скучаю по тебе!

Брови Катрионы удивленно поднялись.

– Ты остаешься в Лондоне?!

Сама Катриона собиралась уехать в продуваемую всеми ветрами долину в Эпплкорте, как и все, спасаясь от летней лондонской жары.

– Из-за кризиса в Испании отцу нужно быть поближе к Франкфурту и Парижу, – пояснила Хэтти. – Мама остается, чтобы сэр Брэдли мог должным образом поухаживать за Миной.

Хэтти предстояло провести в городе под неусыпным оком матери много однообразных недель – душных и коварных, словно тропинка среди болот. Тем временем Мина будет развлекаться со своим рыцарем...

Помогать Люси с суффражистскими делами не получится, поскольку родители ничего не знают о политической деятельности дочери. Придется занимать себя иными способами: рисо-

вать наброски кистей рук и стоп, грезить о вызывающих бальных платьях, которые ей ни за что не позволят надеть, и сопровождать мать на респектабельные чаепития.

– Будем надеяться, что предложение сэра Брэдли не за горами, – сказала Хэтти. – Тогда моя мать с головой уйдет в планирование свадьбы.

По спине Катрионы пробежала дрожь.

– Не боишься, что после этого она озаботится и твоим замужеством? Ты ведь все-таки старше, чем Мина.

– Ничуть не боюсь, – ответила Хэтти. – Кстати, мне и самой пора получить предложение руки и сердца, иначе Мина при любой возможности будет бесстыдно кичиться своим новым статусом.

На самом деле это заботило Хэтти куда сильнее, чем она желала признать.

– Ты уверена, что хочешь замуж? – скептически поинтересовалась Катриона.

– Ни для кого не секрет, что я с нетерпением жду своего белого рыцаря.

– Да, но я не знала, что ты так спешешь его отыскать, – заметила Катриона. – К тому же недавно у тебя была пара рискованных приключений. Если они откроются, твои акции на рынке невест упадут до критической отметки.

При таком раскладе ее поведение действительно выглядело странным. Хэтти смущенно поерзала.

– Я вовсе не хотела себе навредить, – призналась она. – На прошлой неделе я даже нашла подходящего кандидата.

– И кто же он?

– Лорд Скеффингтон.

Брови Катрионы полезли на лоб.

– Лорд Клотверси Скеффингтон?!

– Да. У него есть титул, он молод, кроток, красив и к тому же художник, – перечислила Хэтти. – И вдобавок разделяет мою любовь к живописи.

Катриона медленно покачала головой, не веря своим ушам.

– Он получит права на твои картины. Он запретит тебе рисовать. Его зовут Клотверси!

– Аннабель замужем и при этом учится в Оксфорде.

– Аннабель согласилась на брак лишь после того, как герцог публично объявил о своей поддержке избирательного права для женщин, – указала Катриона. – Ты знаешь позицию Скеффингтона?

– Он пэр, – вздохнула Хэтти, отводя взгляд, – значит, тори.

Катриона замерла, как всегда выражая несогласие языком тела. К досаде Хэтти, это действовало куда эффективнее, чем целая лекция. В любом случае все было ясно без слов: Хэтти и во сне могла бы прочесть литанию по вопросам брака. Замужество – вещь рискованная. Принцип покровительства – основополагающий принцип английского общего права – требовал от жены полной зависимости от мужа. На бумаге она переставала существовать как личность. Кроме нескольких строго определенных исключений, она лишалась права собственности и в результате навсегда утрачивала право голосовать, тесно связанное с размером благосостояния, если только не удастся внести соответствующие поправки в закон о собственности замужних женщин. Суфражистки боролись с ним давно и отчаянно, а теперь Хэтти замахнулась на измену.

Девушка доела эклер и запила остывшим чаем. Нелегко живется тем, чей ближний круг общения состоит из одних лишь суфражисток и ученых отшельников. Иногда ей не хватало наперсницы, которая искренне разделяла бы ее страсть к тканям, к моде и к искусству и могла бы поболтать о завидных холостяках. Раньше такие приятельницы у Хэтти были, но они давно замужем и живут в Лондоне и Европе, к тому же считают ее немного странной.

Хэтти бросила взгляд на погруженную в раздумья подругу, которая сидела, укутавшись в шаль, невзирая на летнюю погоду.

– Я не рассказывала тебе, что одно из моих первых сознательных воспоминаний – кузина, произносящая свадебную клятву в соборе Святого Павла?

Катриона покачала головой.

– Уже не помню, что это за кузина, зато прекрасно помню ее платье. – Хэтти закрыла глаза. – Усыпанное бриллиантами облако белых кружев, шелка и тафты. Нечеловечески красиво: платье, хорал, высокие ребристые своды старинного собора. Моя мать с тетушками не могли сдержать победного ликования, потому что невеста отхватила великолепную партию. Мне было лет шесть, но я помню, как упивалась женскими эмоциями. Такое чувство, словно их мышцы долгие годы находились в страшном напряжении и наконец расслабились. Вот оно, истинное начало жизни моей кузины, ведь все, что ему предшествовало, лишь усердная, полная надежд подготовка. О, не смотри на меня с такой тревогой – я была совсем ребенком! Теперь я хожу на собрания суфражисток, как и ты, и знаю гораздо больше. Я читаю те же письма от обиженных, несчастных жен. Мне ясно, что за проклятие несет нам принцип покровительства.

Катриона успокаивающе подняла руку.

– Просто я вдруг осознала, что мои понятия о замужестве формировались более двенадцати лет и опровергать их с помощью фактических доказательств совершенно неэффективно. Хуже того, усвоенное в раннем возрасте воспринимается как инстинктивное – столь же естественное, как процесс дыхания, и важно не то, хорошее оно или плохое, а то, что ты к нему привык... Большинство лидеров нашего движения состоят в браке, – не сдавалась Хэтти, – и мне нравится идея стать женой, заниматься всякими женскими делами – ну, вышивать мужу носки и подтяжки. Я хочу провести жизнь с лучшим другом. Мне сложно объяснить свои чувства... Прошу, не считай меня дурочкой!

Катриона опешила.

– Я вовсе не считаю тебя дурочкой! Понимаешь, муж может запретить мне заниматься наукой – подразумевается, что жена обязана обслуживать его так, как он пожелает.

– А еще подразумевается, что он должен защищать жену ценой своей жизни, – напомнила Хэтти, легкомысленно махнув рукой. – Хорошо хоть, что от нас не ждут того же самого.

– Смерть – всего лишь миг, – тихо сказала Катриона. – Тебе ведь придется прожить с ним всю жизнь.

– Тьфу ты, пропасть! – воскликнула Хэтти. – Я-то думала, немного глупости разрядит обстановку.

– Ах да, конечно.

Щеки Катрионы вспыхнули – иногда она не улавливала сарказма. Вероятно, поэтому и ее слова редко несли подтекст. «Тут мы сильно отличаемся, – подумала Хэтти. – Я выпаливаю, что в голову взбредет, и часто вовсе не имею этого в виду». Для нее средство для выражения правды – живопись, а слова вызваны желанием понравиться собеседнику, желанием выглядеть обычной или глупенькой, что для девушки часто то же самое. От этого недуга страдают большинство женщин Британии, вынужденных думать одно, говорить другое, соглашаться с тем, что не нравится, смеяться над тупыми шутками – таковы большинство, только не Катриона. Когда Катриона хочет скрыть свои чувства, она просто умолкает. Вполне разумно, кстати, но если все страдают от одного недуга, то здоровый человек кажется ненормальным.

Хэтти снова откинулась на подушки.

– Не бери в голову, дорогая. Твои доводы вполне разумны, да только что у меня за жизнь сейчас? В родительском доме я не могу сама выбрать платье или прическу, не могу съесть лишний кусок за столом или решить, с кем мне общаться. По-твоему, почему я так часто лезу к тебе с модными советами? Выйдя замуж, я стану хозяйкой в своем доме.

Катриона кивнула.

– Вопрос в том, что хочешь: вырваться от родителей или вступить в брак?

– Разве для женщины в моем положении есть разница? – взвилась Хэтти. – Своих средств у меня нет, в отличие от Люси. И отца вроде твоего, который решил остаться холостяком и сделал тебя своей помощницей! Быть старой девой я точно не хочу.

– Напрасно я дала волю своим тревогам, – пробормотала Катриона, кутаясь в шаль с таким видом, словно только что осознала, насколько далеко высунулась из раковины.

Раскаяние пронзило Хэтти, будто удар током.

– Я так люблю наши с тобой разговоры, – быстро сказала она, – и мне их будет очень не хватать. Потому я сегодня такая несдержанная. А что тревожит тебя – расскажи!

Катриона разгладила шаль перепачканными чернилами пальцами.

– Ничего.

– Я болтушка, но тайны хранить умею! – заверила Хэтти.

– Знаю, – с улыбкой ответила Катриона. – Лучше расскажи, что сделаешь первым делом, если станешь сама себе хозяйкой?

Похоже, своими проблемами Катриона решила не делиться.

– Первым делом отдам весь свой гардероб на благотворительность! Потом осуществлю свою главную мечту: отправлюсь во Францию, захватив с собой акварельные краски и лучших подруг, – ты должна поехать со мной! В Париже самые знаменитые бары и литературные салоны, а на юге страны можно любоваться сапфирово-синим морем!

– Ты заходила когда-нибудь в бар? – поинтересовалась Катриона.

– Нет, но слышала, что самые лучшие бары – в Париже, и там можно встретить известных художников.

– Я поеду с тобой, – согласилась Катриона, – только разве тебе не хотелось бы путешествовать одной?

– Одной?! – Хэтти скривилась. – Что я буду делать на Монмартре или в Марселе одна? Сначала я заскучаю, потом влипну в неприятности, связавшись с неподходящей компанией. И еще я терпеть не могу заниматься логистикой!

– Тогда возьмем с собой Люси, – кивнула Катриона. – С логистикой она справляется отлично.

Их сестринская беседа закончилась с появлением тетушки, хорошо отдохнувшей после приятного сна и твердо убежденной, что настало время проследить за сбором вещей для отъезда в Лондон.

При прощании Хэтти прижалась щекой к лицу Катрионы.

– Как думаешь, не будет большого вреда, если я схожу на экскурсию по галерее? – прошептала она.

– Нет, если не станешь отходить от матери, – тихо ответила Катриона.

* * *

– И почему я не удивлена? – пробормотала мать Хэтти, заметив миссис Хьюитт-Кук в центре небольшой группы, которая окружила Блэкстоуна в холле. – А вот Оукси увидеть не ожидала.

Среди присутствующих лорд Оукси был единственным аристократом. В основном собралась публика попроще – жены и сыновья богатых промышленников. На их фоне отсутствие девушек возраста Хэтти резко бросалось в глаза.

– Оукси владеет одной из самых крупных в Англии частных коллекций картин эпохи Ренессанса, – тихо заметила Хэтти. – Наверное, ему очень любопытно.

Причем настолько, что он готов рискнуть и нарушить этикет, снизойдя до общения с Блэкстоуном. Вернувшись на место своего недавнего преступления, Хэтти разнервничалась, во рту у нее пересохло.

– Ох уж этот мистер Гринфилд и его деловые махинации! – неодобрительно проворчала мать. – Иногда я задаюсь вопросом, не туманит ли возраст его разум.

Хэтти молча согласилась. Такое чувство, словно Джулиана Гринфилда перестало устраивать нынешнее положение и ему захотелось большего. Но для человека, который и так достиг практически всех вершин, стремление к большему выглядит чудачеством, особенно если чисто из принципа он решил монополизировать некоего кровожадного коммерсанта.

Пока Хэтти с матерью обменивались приветствиями с другими посетителями, к ним устремился мистер Ричард Мэтьюс, и сердце Хэтти упало. Однако помощник Блэкстоуна, одетый в чрезвычайно модный сюртук бордового цвета, ничем не выдал, что ее узнал: посмотрел поверх головы и объявил, что посетители могут пройти за ним в приемную, где их ждет угощение.

Облегчение сменилось предательским разочарованием, и Хэтти замедлила шаг. Вдруг Блэкстоун вообще не появится? Она готовилась встретить его во всеоружии – нарядилась в любимое бледно-сиреневое даматовое платье с тремя рядами белой бахромы на подоле. «Тебя привлекает коллекция картин или ее одиозный владелец?» Похоже, что второе. Несмотря на пережитое унижение, Хэтти понравилось беседовать с Блэкстоуном на фуршете неделю назад. Под его пристальным взглядом она нервничала и потому говорила все, что взбредет в голову, но цвета в столовой казались ярче, аромат еды – насыщеннее. Она чувствовала себя бодрой, веселой, живой! Примерно то же она испытывала, когда удирала от мистера Грейвса, только в десять раз острее. Ей захотелось ощутить это снова.

Проходя через двери в конце коридора, группа застопорилась. Увлеченная беседой с лордом Оукси, мать тут же пролезла вперед, невольно позабыв про Хэтти.

– Смотрите, Дега! – раздался голос лорда. – Полагаю, только что привезен с Монмартра.

Повинуясь минутному порыву, Хэтти отступила к стене и укрылась в тени статуи. Когда группа исчезла за углом и гул голосов стих, она проворно поспешила к двери. Так и есть: боковой вход в галерею. Комната тянулась в глубину и в ширину под сводчатым стеклянным потолком и напоминала внутренний двор. Полуденное солнце стояло высоко, и помещение заполнял яркий белый свет. В воздухе пахло полиролью из пчелиного воска.

Хэтти кралась на цыпочках. Главный вход остался справа. На стенах слева и впереди на равном расстоянии друг от друга висели картины. Лорд Оукси не ошибся: действительно, Дега, ведь его балерин в белых пачках ни с кем не спутаешь. Силуэт девушки медленно полз по ряду квадратных зеркал, установленных на противоположной стене; вероятно, они помогали освещать комнату в пасмурные дни, отражая естественный свет. Блэкстоуну следовало бы закрыть крышу – конечно, газовые лампы не идеальны, но солнце со временем повредит экспонаты. Впрочем, белая масляная краска при таком свете не желтеет слишком быстро...

Она обнаружила «Офелию» в центре левого ряда, и поток ее мыслей иссяк. Юная девушка в пышном платье, вышитом звездами, лежит на воде под изогнутыми ветвями плакучей ивы. И вот уже Хэтти стоит на берегу, вдыхая прохладный влажный воздух и землистый запах тлена. Вокруг зеленые тени, усеянные красными и синими полевыми цветами. Лицо Офелии залито призрачным светом, что показывает ее промежуточное положение между миром живых и мертвых. Хэтти знала: вместо того чтобы сделать набросок на пленэре, а потом закончить картину в студии, Милле писал пейзаж прямо на берегу реки Хогсмилл, возле Суррея. Его натурщица, мисс Сиддал, сама художница, ужасно простудилась, пока лежала в студии в остывшей ванне. И все же эти факты ничуть не умаляли волшебства, исходившего от картины. Хэтти знала и другие вариации этого сюжета, к примеру, Александра Кабанеля; они казались ей грубыми и назидательными, почти неприкрыто сообщая: безумных красивых женщин непре-

менно ждет гибель. Милле же дал своей Офелии покой. Ее бледные руки расслабленно лежат на поверхности ручья, ладони подняты к небу за пределами рамы. Взгляд из-под полуприкрытых век безмятежен, губы приоткрыты. В ее покорности чувствуется намек на блаженство.

Блэкстоун обвинил Хэтти в том, что трагедия ее завораживает. Пожалуй, в жизни каждой женщины наступает момент, когда она чувствует, что тонет, и единственным утешением ей служит осознание, что и в смерти могут быть и красота, и достоинство.

Как Милле умудрился передать эти чувства? Он мужчина, теперь уже пожилой; его кисть явно не знала подобных ограничений – она погружалась прямо в сущностный опыт человечества. Как ему удалось преодолеть таинственную пропасть, извечно разделяющую замысел художника и безупречность исполнения?..

Внезапно по шее Хэтти побежали мурашки, вырывая ее из грез.

На пороге бокового входа, спокойно глядя на гостью, молча стоял Блэкстоун.

Девушка смутилась гораздо меньше, чем следовало, хотя сердце и заколотилось как бешеное. Из глаза встретились; потом Хэтти отвернулась к «Офелии». Шаги Блэкстоуна эхом отдавались в пустоте. Когда он подошел совсем близко, в голове Хэтти не осталось ни единой мысли, во рту мигом пересохло.

– Ну как, соответствует картина вашим ожиданиям? – спросил Блэкстоун.

Хэтти мотнула головой.

– Она даже лучше.

Голос шотландца звучал так, словно он разговаривает редко, и хорошо сочетался с натруженными руками – некоторые сочли бы это привлекательным. Внезапно девушка осознала, что ей не следует находиться с ним наедине, к тому же в комнате с такой хорошей акустикой.

– Наверное, интересно видеть нечто большее, чем пятна краски.

Хэтти взглянула на него искоса.

– Неужели это все, что видите вы?

– Да, а еще я предвижу, сколько она будет стоять лет через двадцать.

Блэкстоун был во всем черном, не считая серого жилета, и снова зачесал волосы назад – видимо, в ожидании респектабельных гостей; на затылке лежали непослушные темные завитки, словно перышки на хвосте у дикой утки. Эта маленькая слабость придала Хэтти смелости, впрочем, как и уверенности в том, что он намеренно ее задирает.

– Полагаю, пятна краски, нанесенные на холст художником вроде Милле, опровергают ваше утверждение.

– Какое утверждение? – не понял он.

– Вы сами говорили, что люди в основном руководствуются комфортом, тщеславием или жадностью.

Блэкстоун кивнул.

– Вы запомнили...

Поцелуй она запомнила тоже и хранила воспоминание о нем в своем теле – оно разлилось огнем по жилам и другим, безмянным местам, стоило лишь Хэтти взглянуть ему в глаза. Нет, это не влечение. Женщин, которых влекут мужчины ниже их по происхождению, ждет самая суровая кара – их считают умалишенными и даже иногда помещают в специальные клиники.

Хэтти прочистила горло.

– Люди готовы проехать десятки миль, чтобы полюбоваться на картины прерафаэлитов просто потому, что те прекрасны. Где тут тщеславие или жадность?

– Тушэ, мисс Гринфилд!

Несколько крошечных шагов – и расстояние между ними исчезло. Она точно сошла с ума, если пытается незаметно вдохнуть его запах, вместо того чтобы спастись бегством.

– Скоро все закончится, – заметил шотландец, – я имею в виду реалистическую живопись и даже расплывчатые стили, как у этих французов. Импрессионизм стал началом конца.

Хэтти нахмурилась.

– Почему же?

– Теперь появилась возможность снимать реалистичные изображения более эффективно. Зачем нужны художники, если машина воспроизводит предметы гораздо лучше?

– Что вы имеете в виду?

Блэкстоун посмотрел на нее с таким видом, словно она должна была знать.

– Фотографию.

Девушка отпрянула.

– Я с вами не согласна!

– Отчего же?

– Фотографический аппарат не способен схватывать эмоции в той же манере, что и кисть!

Он пожал плечами.

– Если все сделать правильно, то кто знает?

Перед мысленным взором Хэтти замелькали застывшие, безжизненные фотографические портреты. Конечно, Блэкстоун думает, что этого достаточно, – ведь он всего достиг сам и выбился из низов не благодаря доблести в битве или на ниве, а на железнодорожных рельсах и в клубах фабричного дыма.

– У фотографического аппарата нет души, – выпалила Хэтти. – Это всего лишь техника!

– Кисть тоже инструмент, – напомнил Блэкстоун, – только более примитивный.

В серых глазах читалось высокомерие, словно он говорил: что вы на это ответите? Блэкстоун наклонился к ней и теперь стоял слишком близко. Дыхание Хэтти участилось. Это уже не смешно!

– Я так понимаю, вы полагаетесь на машины. Я же предпочитаю людей.

– Я ни на кого не полагаюсь, мисс Гринфилд, – прошептал он. – Впрочем, если бы я на это решился, то доверился бы будущему, а не прошлому.

Неужели этим она и занимается – смотрит назад? Воспроизводит величие давно минувших дней? В глубине души Хэтти всегда знала, что топчется в арьергарде. Мысли путались. Черные как смоль волосы Блэкстоуна на солнце отливали красным.

– Россетти и Милле показывают, что красота и истина вовсе не исключают друг друга! – охрипшим голосом воскликнула Хэтти. – Почему весь мир настаивает на том, что признания достойны лишь машины или старики?

– Иными словами, – заметил Блэкстоун, – почему никто не принимает всерьез вас?

Слова вошли в ее сердце, словно нож в масло. Либо Блэкстоун гораздо пронизательнее, чем она предполагала, либо же у нее все на лице написано. Хэтти почувствовала себя нескладной и незащитной из-за того, что подобный мужчина осмелился сказать ей такие вещи о ней самой, или же из-за того, что она его недооценила. Она негодовала – и на тягучее напряжение, пульсирующее между ними, и на его пристальный взгляд. Тепло его тела проникало сквозь сиреневый дамаст прямо в кожу, словно жар от огня. Внезапно Хэтти заметила, что почти касается грудью его жилета. Взгляд Блэкстоуна медленно упал на ее губы.

Сейчас это случится снова!

До поцелуя оставалась пара дюймов. Сердце забилося гулко и часто. Блэкстоун стоял неподвижно, темным монолитом возвышаясь среди затянутого белым маревом мира.

Девушка подалась вперед.

Губы шотландца едва уловимо скользнули по ее губам. От нежного прикосновения она взмыла ввысь и покачнулась, и он придержал ее за талию. Левая рука Хэтти легла на лацкан сюртука; она поразилась, какой маленькой та выглядит... и еще тому, что трогает мужчину.

Так они и стояли, когда дверь главного входа открылась. С широко распахнутыми глазами застыли на пороге мать Хэтти, лорд Оукси и миссис Хьюитт-Кук. Блэкстоун выпустил Хэтти и повернулся к ним лицом, медленно и вполне владея собой.

Имея творческий склад ума, можно проникнуть в самые темные глубины, и порой Хэтти пыталась представить момент, когда с ней произойдет какая-нибудь грандиозная катастрофа. Каково это – почувствовать, что твоя жизнь кончена? Ей и в голову не могло прийти, что это случится в гробовой тишине.

* * *

Спустя два часа после инцидента в галерее Люциан явился к Джулиану Гринфилду, чтобы начать торг насчет дочери. Дворецкий встретил его холодно-враждебно и провел прямо в кабинет отца семейства. Гринфилд сидел за столом; рядом с ним стоял его наследник и сверлил посетителя убийственным взглядом.

– Мне следовало бы вывести вас через заднюю дверь и пристрелить, – проворчал банкир вместо приветствия. – Назовите хоть одну причину, по которой я этого не сделаю!

– Как насчет тридцати? – осведомился Люциан. – Мой пакет акций в концерне «Пласенсия – Асторга». Насколько я понимаю, они нужны вам для консолидации активов в Испании.

Гринфилд откинулся на спинку кресла. Сосредоточенный взгляд свидетельствовал о том, что он быстро прикидывает варианты: сделка для смятения скандала. Весомая репарация за нанесенный ущерб. Достойная причина пожертвовать одной из нескольких дочерей.

– Даже не надейтесь, что я заплачу за них хоть пенни, – заверил банкир.

– Я готов расстаться с ними за полцены, – ответил Люциан.

Гринфилд скрипнул зубами и указал на стул перед столом.

– Садитесь!

От удивления Закари Гринфилд гневно хмыкнул.

– Оставь нас, сын, – велел Гринфилд-старший.

Отец с сыном уставились друг на друга в безмолвном поединке взглядов. Люциан обнаружил, что праведный, хоть и тщетный гнев юноши вызывает у него больше уважения, нежели холодный расчет отца семейства. Когда отчим продал его в детстве за бесценок, поддержка ему точно бы не помешала.

Молодой Гринфилд вышел, едва сдерживая чувства. Люциан уселся и смахнул несуществующую пылинку с рукава, и взгляд Джулиана Гринфилда посуровел.

– Ни пенни! – повторил он.

Поразительно, что у этого красномордого сквалыги с сомнительной растительностью на физиономии уродилась такая дочка. Пока Люциан одно за другим отклонял предложения Гринфилда, его мысли постоянно возвращались к Хэрриет. Ей удалось преподнести ему один из величайших сюрпризов всей жизни: она сама подалась ему навстречу. В тот момент для него не существовало ничего, кроме ее лица, и он не замечал ничего, кроме прикосновения нежных, словно лепестки, губ. В высшем обществе много красивых девушек, которые могли бы послужить его планам, но Люциан хотел только ее. Неожиданно для себя он осознал, что готов отдать Гринфилду все, что тот ни попросит. Впрочем, если Хэрриет узнает подробности предстоящей помолвки, они ей определенно не понравятся.

Глава 8

– Хэрриет, скажи своему отцу, что тебя принудили!

Поздним вечером родители вызвали Хэтти в библиотеку, и она вошла, сама не своя от тошноты и головокружения. Отец стоял у камина и смотрел на пламя, сунув руки в карманы брюк. Мать маячила возле кресла у стены, и лицо ее было таким бледным, что она походила скорее на мумию, чем на живую женщину. И все же ей хватило сил пригвоздить Хэтти к месту властным взглядом.

Девушка застыла, не веря своим ушам. Мать была там и видела все. Зеркала на правой стене галереи оказались двусторонними. В ярком дневном свете комната уподобилась круглому аквариуму: все посетители, стоявшие в полутемном коридоре за этими коварными окнами, наблюдали и как Хэтти беседовала с Блэкстоуном, и как целовалась, причем охотно. Неужели для того, чтобы кошмар закончился, нужно просто солгать? Хэтти робко взглянула на отца, но тот ее проигнорировал. Слово «да» так и рвалось с губ. Матери безумно хочется его услышать. Впрочем, какая разница? Принудили ее или нет, родители все равно отошлют порочную дочь подальше с глаз. Кроме того, лгать в подобной ситуации подло. Она потупила взгляд.

– Нет. – Хэтти знала, что жизнь кончена.

– Что ты сказала?

Она не смогла посмотреть на мать.

– Блэкстоун меня не принуждал.

– Тогда как – как это могло произойти?!

Если бы только она сама знала. Вот они с Блэкстоуном бурно обсуждают живопись, а в следующий миг ее неудержимо к нему потянуло. Удержаться от поцелуя было все равно что усилием воли остановиться в воздухе, упав со скалы. Она поддалась порыву, и начался кошмар! Застывшие лица и взгляды... Хэтти вздрогнула. Ей хотелось вылезти из кожи и броситься прочь от жгучего стыда, раздиравшего нутро.

Хэрриет закрыла глаза.

– Мне ужасно жаль, – прошептала она.

– Ты прекрасно знаешь, что теперь это не важно, – заявил отец.

И тогда Хэтти поняла, что с учебой в Оксфорде покончено. Ей больше никогда не сделать ни единого шага без сопровождения. Люди будут шептаться у нее за спиной на каждом приеме, на каждом балу и обсуждать ее распущенность. Ни одна порядочная девушка не поставит себя в положение, в котором ее поцелует неподходящий мужчина – на самом деле ее вообще перестанут куда-либо приглашать! Подруги отвернутся... Хэтти прижала руки к животу, борясь с приступом тошноты.

Мать набросилась на отца:

– Моя дочь невиновна! Негодяй сам на нее накинулся – это все видели!

– О да, там было на что посмотреть, – протянул отец, уставившись в шипящее пламя. – Насколько мне известно, сложно сказать, кто на кого накинулся.

– Мы ведь ничего о нем не знаем...

И тут банкир повернулся к ним обеим.

– Говорю же, мне кое-что известно, – повторил он. – Блэкстоун ничуть не беднее Эсторп-Венейблзов, может, даже богаче. Ему двадцать девять лет. Он внебрачный сын. – Гринфилд помолчал. Внебрачный. Слово прозвучало так, будто разбилась вдребезги драгоценная ваза. – Внебрачный сын покойного сэра Мюррея, владельца поместья в Аргайле. Отчим дал ему свое имя, так что не понимаю, зачем раскрывать такие подробности – разве что Блэкстоун хотел

добавить насмешку к нанесенному нам оскорблению. Его мать, тоже ныне покойная, работала у сэра Мюррэя судомойкой.

– Внебрачный сын! – Адель тяжело осела на кресло. – Господи, нельзя даже помышлять о таком абсурде!

– Вы ведь сами во всеуслышание заявили, что они помолвлены.

Помолвлены! Хэтти видела, как двигаются губы и руки родителей, однако ее ушей не достигало ни звука. В галерее она упустила эту подробность, но теперь поняла: родители не отошлют ее с глаз долой. Они выдадут ее замуж!

Мать вскочила с кресла:

– Я должна была сделать хоть что-нибудь! Зеркала там как окна...

– Ты поступила правильно, Адель.

– Я этого не вынесу, – простонала мать. – Хэрриет могла бы выйти замуж за пэра...

Отец всплеснул руками.

– Вот и развлекалась бы с пэром, желательнее на глазах у самых завязанных светских сплетников!

– Но ведь он мужлан, к тому же с вредным характером! – вскричала Адель, покрасневшись. – И дети от него получатся мужиковатые и противные!

– Я бы тоже такого зятя не выбрал! Впрочем, если тебе нужны красивые внуки, то соглашайся на этот брак – иначе Вильгельмине вообще не светит предложение от прекрасного сэра Брэдли...

– Мистер Гринфилд!..

– Вариантов немного. Либо мы отречемся от Хэрриет и станем объектом сплетен до конца своих дней, либо наша окаянная дочь выйдет за Блэкстоуна, будет верной супругой и улучшит его генеалогическое древо! – Обращаясь к жене, банкир смотрел налитыми кровью глазами на дочь. – После такого безобразия она утратила право называться моей дочерью! Хотел бы я воздать ей по заслугам, но Гринфилды стоят друг за друга горой, и если кто полагает, что я отойду от семейных традиций, то сильно ошибается. Мы своих не бросаем, и я не намерен позорить предков лишь потому, что Хэрриет повела себя как потаскушка.

Пол под ногами Хэтти угрожающе качнулся.

– Нет! – крикнула она или же, вероятно, прошептала. – Ты ведь не всерьез!

Отец прищурился.

– Думаешь, я шучу? А чем ты думала, когда устроила это представление на публике?

– Папа, ты не можешь выдать меня за него замуж!

– Еще как могу. Сегодня он явился ко мне свататься, и я как глава семьи дал согласие.

– Джулиан! – всплеснула руками мать. – Посмотри на нее! Разве она сможет стать женой такому мужлану? Джулиан, Хэрриет, конечно, упрямец, но при этом всего лишь невинная девочка...

– Она вовсе не такая невинная овечка, как ты думаешь, – перебил отец. – Эта девчонка, – он указал пальцем на Хэтти, – по крайней мере дважды сбежала от своего охранника и разгуливала по Лондону без сопровождения. Так они с Блэкстоуном и познакомились. Непристойная сцена в галерее – не первая их встреча. Кстати, Грейвса я вышвырнул вон.

Желудок Хэтти подскочил к горлу, словно она сорвалась в яму. Бедный, бедный мистер Грейвс! Что же она натворила!

На лице матери проступил ужас.

– Ты сбежала? Ты была без защиты?

– Прошу, папа! Ты ведь один из самых влиятельных людей в Англии...

– Самых влиятельных? – Внезапно он стал вдвое выше. – Самых влиятельных, говоришь? – Отец ткнул себя пальцем в грудь, и Хэтти вздрогнула. – Как думаешь, насколько вли-

ятельным я выгляжу теперь, – проревел он, – если не способен управиться с женщинами в собственном доме?!

Неприкрытая ярость отца вытеснила из комнаты весь воздух. Чего Джулиан Гринфилд никак не мог вынести – так это показаться слабым. Хэтти погрузилась в вязкий кошмар, и теперь в глубине ее души не было ни малейшей уверенности, что рано или поздно она проснется. Все происходит на самом деле, и придется расплачиваться сполна...

* * *

Жизнь была кончена, но рассвет все равно наступил. Хэтти лежала на спине, уставившись на балдахин саднящими после бессонной ночи глазами. Над Лондоном разливалось розовое свечение, мимо дома проезжали первые наемные экипажи, на другой стороне улицы что-то неразборчиво кричал мальчишка-газетчик. Ее похождения наверняка попали в новости... Мистер Блэкстоун – ее будущий муж. Миссис Как-Его-Там Блэкстоун. Хэтти даже имени его не знала. Глаза остались сухими – все слезы она выплакала еще до полуночи. Все свои варианты она тоже перебрала, ведь их было два.

Первый – уйти из дома. Куда податься опорочившей себя девушке? При мысли о том, чтобы подвергать риску доброе имя своих подруг, Хэтти вспыхнула. К тому же до совершеннолетия ей оставалось еще три месяца. Сейчас она – собственность Джулиана Гринфилда, а связываться с подобным человеком не рискнет никто.

Второй – сбежать с другим любовником. Увы, в такой короткий срок кандидата просто не найти.

Наверное, это ей заслуженная кара, причем не только за дурацкое поведение, но и за вызов судьбе: нельзя предъявлять к будущему мужу непомерные требования! С тех пор как Хэтти позаимствовала из тетушкиной корзинки для вышивания свой первый любовный роман, она грезилась о разбойниках в масках и о дерзких пиратах – суровых, бесстрашных мужчинах, которые привыкли брать, что хотят. Однако жениха Хэтти желала совсем другого, вроде лорда Скеффингтона или мистера Бингли. Доброго, с титулом, молодого и, конечно, красавчика! Мужчины с опасным блеском в глазах и умеющие держать меч пусть остаются в книгах. А в жизни у нее получилось ровно наоборот...

Дверь в спальню открылась без стука, и вошла Мина с подносом. Глаза опухшие, нос красный. К горлу подкатила тошнота, и Хэтти отвернулась.

Мина брякнула поднос на тумбочку и что-то швырнула на кровать. Утренняя газета. Хэтти покосилась украдкой.

НА ВЫСТАВКЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ГАЛЕРЕЕ БЛЭКСТОУНА ГЛАВНЫМ ЭКСПОНАТОМ СТАЛА МИСС Г.!

Огромные черные буквы заголовка занимали полстраницы. Перед глазами Хэтти заплясали белые точки.

– Это случилось только вчера вечером, – прохрипела она. – И уже в газетах?!

Не удостоив сестру ответом, Мина с прямой как доска спиной направилась к двери.

– Мина!

Девушка резко обернулась, словно кошка, которую схватили за хвост.

– А чего ты хотела? – прошипела она. – Блэкстоуна застигли с Гринфилд! Странно, что специальный выпуск не сделали!

Хэтти закрыла глаза.

– Да, конечно...

Мина тяжело дышала.

– Как ты могла? – дрожащим голосом спросила она.

– Я не хотела.

– Мама с папой полночи ссорились, обвиняя друг друга в твоей своенравности! Тетушка глаз не сомкнула и выглядит очень плохо.

Хэтти с трудом сглотнула.

– Тетушка тоже меня ненавидит?

– Не совсем, – признала Мина. – В основном винит наших предков, которые перебрались в Лондон и перешли в англиканство.

– О боже! – А Закари? При мысли о том, что любимый брат знает о ее порочности, Хэтти содрогнулась.

– Если теперь сэръ Брэдли не сделает мне предложение, я возненавижу тебя навеки! – пообещала сестра, едва сдерживая готовые пролиться слезы.

Хэтти села в кровати.

– Мина, он тебя обожает...

Ручки Мины взметнулись в воздух.

– Конечно, обожает! Будь моя воля, я с ним бежала бы, но он человек чести, поэтому мы не можем... Сейчас мое положение настолько шаткое, что я вот-вот стану испорченным товаром из-за нашего с тобой родства. Святые небеса, как тебе в голову пришло встречаться с таким мужчиной, да еще и у всех на глазах?

– Я...

– Почему не с лордом Скеффингтоном? Я думала, ты к нему неровно дышишь...

Хэтти посмотрела на свои руки.

– Я тоже так думала...

Мина обожгла сестру яростным взглядом.

– Я знала, что ты барышня эксцентричная, но не подозревала, что вкусы у тебя столь низменные!

– Вовсе нет, – пробормотала Хэтти и покачала головой, с горечью вспомнив слетевшее с губ отца слово «потаскушка».

Мина скрестила руки на груди. Рыжие локоны взметнулись вокруг сердитого лица, словно язычки пламени.

– Ты лишилась шанса на удачную партию, – заявила сестра. – Однако еще можешь сделать так, чтобы его не лишилась я. Прошу, поступи правильно!

Она выскочила из спальни, высоко задрав курносый носик. Несомненно, Мина могла бы стать великолепной женой для рыцаря.

Выйти замуж за Блэкстоуна?! Хэтти откинулась на подушки, вновь ощутив головокружение. Если не согласиться, то газетный заголовок вроде сегодняшнего – только начало. Если она отвергнет его руку, то обречет себя на медленную, верную смерть. *Ах, смотрите, это же Хэрриет Гринфилд, которая занималась непристойностями на публике, точнее, в художественной галерее.* И винить сплетников сложно – понятное дело, иные находят удовольствие в том, чтобы перемывать косточки оступившейся женщине, но большинство просто не представляют, как с ней себя вести. Мало кто отважится быть замеченным в ее обществе: стоит добрым и праведным сбиться в толпу, как третирование отверженной становится единственным безопасным способом избежать сомнения в их собственных моральных устоях.

Хэтти накрылась одеялом с головой. Мысленно она перебирала одни и те же доводы, приходя все к тем же выводам: если выйти за него замуж, скандал удастся предотвратить. Межклассовые браки становятся все более распространенными с тех пор, как несколько лет назад Дженни Джером нагло похитила с ярмарки женихов лорда Черчилля, тем самым открыв шлюзы для других американских долларовых принцесс, готовых обменять приданое на титул. Увы, кроме спасения от скандала, семья Хэтти мало что выиграет от брака с Блэкстоуном: в средствах они не нуждаются, а из-за сомнительного происхождения социальный статус Блэкстоуна

гораздо ниже их собственного. И все бледнеет по сравнению с тем, какую цену придется заплатить самой Хэтти: если она вступит с ним в брак, все надежды обрести истинную любовь рухнут. В худших кошмарах она выходила замуж, потом неожиданно встречала свою вторую половинку, переглядывалась с ним через комнату и понимала, чего именно лишилась, связав жизнь не с тем человеком. Трагедия! В любом случае теперь даже эта возможность утеряна: ни один уважающий себя джентльмен не станет ухаживать за девушкой с подмоченной репутацией.

В дверь постучали. Хэтти не шелохнулась. Кто-то вошел и тихонько покашлял. Значит, это не разгневанная сестра. Посмотрев сквозь щелочку, Хэтти обнаружила у изножья кровати Бейли, свою камеристку, нервно теребящую белый фартук.

– Меня прислали сообщить, что мистер Блэкстоун прибудет через час, – тихо объявила Бейли. – Вы должны встретиться с ним и с миссис Гринфилд в Голубой гостиной.

Хэтти была не готова – ни сейчас, ни через час, ни через год.

– Бейли, – попросила она, – налей мне рюмку хереса. А лучше сразу две!

* * *

С двумя рюмками Хэтти явно погорячилась. По пути в Голубую гостиную напиток жег пустой желудок, словно кислота. Когда Хэтти вошла и увидела у камина Блэкстоуна, херес угрожающе ринулся к горлу. Мать выглядела бледной и изможденной, да еще позвала для моральной поддержки Флосси. Нет, так не пойдет. Надо хотя бы попытаться сохранить достоинство.

– Мама, я хочу поговорить с мистером Блэкстоуном наедине.

Адель отпрянула, прижав руку к груди.

– Хэрриет, послушай...

– Наедине, мама.

Что-то в ее голосе заставило Адель умолкнуть. Хэтти не знала наверняка, что именно сделает, если они откажутся покинуть комнату, но могла поспорить, что благодаря выпитому хересу точно закатит безобразную сцену. Видимо, мать тоже это почувствовала.

– Ладно. Флоренс, идем. – Она коротко кивнула Блэкстоуну. – У вас ровно пятнадцать минут – мы будем ждать снаружи.

Хэтти поскорее опустила в кресло. От камина неприятно пахло остывшей золой, и девушка прижала руку к бунтующему животу. Блэкстоун остался стоять, поскольку сестра она ему не предложила. Он выглядел оскорбительно отдохнувшим и снова оделся в черное и серое. Сюртук, как ни странно, был бархатный – весьма необычный выбор для столь сурового мужчины.

– Мистер Блэкстоун.

Он склонил голову.

– Мисс Гринфилд.

– Вы хотите на мне жениться?

– Да, – без колебания ответил он.

Сердце Хэтти упало.

– Все знают, что вы презираете условности, – проговорила она. – Вы могли бы уклониться от ответственности и бросить меня на растерзание волкам без особых последствий для себя.

Он помолчал.

– Вы этого хотите?

– Зачем страдать без нужды нам обоим?

– Похоже, вы сильно недооцениваете возможности своего отца, – сухо заметил Блэкстоун. – Как бы то ни было, мне нужна жена. В такой ситуации глупо бросать вас на растерзание волкам.

Конечно, он предпочел бы сожрать ее сам. Пальцы Хэтти нервно потербели подол бледно-зеленого платья. Несмотря на расслабленную позу, Блэкстоун глядел зорко. Девушка чувствовала, как он рассматривает ее лицо и не упускает ни единой досадной подробности: тени под глазами, распухший нос, прочие следы бессонной ночи. Хэтти вовсе не хотелось с ним общаться, однако у нее были вопросы. Разумеется, спрашивать про увлечение азартными играми и развратом – обычные пороки мужа, отравляющие жизнь жене, – казалось нелепым.

Вы жестокий?

Вам приходилось убивать?

Расскажите, откуда у вас несправедливо нажитое богатство.

– Помните, как моя тетушка сказала, что я украшаю мир кистью, а не рациональным умом?

Блэкстоун кивнул.

– Она имела в виду, что у меня не все в порядке с головой.

– Неужели?

– Да! – выпалила Хэтти. – Пишу с ошибками, не в состоянии повторить ряд цифр в правильном порядке. – Блэкстоун промолчал, спокойно наблюдая, и она продолжила: – Мой отец денег не жалел: любые учителя, лучшие врачи, новые методики – я совершенно безнадежна. Вы не сможете доверить мне ни переписку, ни ведение домашней бухгалтерии.

Блэкстоун раздумывал от силы пару секунд.

– Для меня это не имеет значения.

Она захлопала ресницами.

– Вас не волнует, что ваша будущая жена туповата?

– На мой взгляд, вы достаточно сообразительны.

– Иногда я прихожу не по тому адресу, потому что неправильно прочла номер дома.

Блэкстоун выгнул бровь и промолчал, поняв, к чему она клонит.

– А еще мне бывает сложно сосредоточиться, – не сдалась Хэтти. – Мое внимание либо рассеивается, либо заикливается на чем-то одном. К примеру, я теряю чувство времени, когда занимаюсь живописью.

– И все же учитеесь в Оксфорде, – напомнил он. – Вы мигом распознали редкую вазу династии Хань – мало кто в Британии на это способен. Мозг у вас работает что надо. Кроме того, мне нужна жена, а не счетовод.

Все хуже и хуже. Видимо, Блэкстоун из тех мужчин, которых вполне устраивает, что жена занимается лишь рукоделием и рождает детей, а беседу поддержать не в состоянии.

– Как насчет детей? – Хэтти не смогла скрыть волнения. – Что, если мой дефект передается потомству? Разве вам нужен наследник, который не способен писать?

Блэкстоун пожал плечами.

– Мой наследник будет богат.

Похоже, его все устраивало. Разочарование пронзило Хэтти, словно удар током, и она вскочила с кресла.

– Мы провели вдвоем не больше часа и не обменялись ни единым письмом! Мы вообще друг друга не знаем!

Блэкстоун сложил руки за спиной.

– Что вам нужно про меня знать?

– Мы с вами совершенно друг другу не подходим!

В его глазах мелькнула насмешка.

– Неуместным тщеславием я не страдаю, мисс Гринфилд, и прекрасно сознаю: вы никогда не приняли бы мои ухаживания. Можете быть уверены, я обеспечу вам комфорт, к которому вы привыкли, причем ничуть не хуже любого мужчины вашего круга.

Хэтти прижала пальцы к вискам.

– Знаю, вы богаты, – сказала она. – Но я так надеялась, что муж станет мне другом.

– Другом, – медленно повторил Блэкстоун, словно это было иностранное слово с трудным произношением. Его шотландский акцент прорезался снова.

Хэтти отвернулась и бросила взгляд на лондонские крыши.

– Да, другом, – хрипло проговорила она. – Я мечтала о муже, который станет проводить со мной время, который с радостью погрузится в маленький мирок, заботливо созданный нами обоими. И будет добрым.

Умеет ли такой мужчина, как Блэкстоун, быть добрым?.. Не те вопросы она задает, зря ожидает от него слишком многого. Хэтти с детства твердили о главных принципах крепкого брака, и она прекрасно понимала: женщина должна желать выйти замуж исключительно для того, чтобы исполнить свое высшее предназначение – быть матерью. Лишь эгоистка станет мечтать о романтике и дружеском общении с мужчиной, прежде чем думать о том, сколько прелестных деток может вырастить. Значит, она эгоистка. Еще Хэтти понимала, что для брака лучше, когда большую часть времени супруги проводят порознь – жена получает полную свободу в быту и не вмешивается в дела занятого мужа. К сожалению, у Хэтти было предчувствие, что ей захочется очень много внимания. Она буквально грезилась всепоглощающей обоюдной любовью без конца и без края... Чувства вскипели в груди, и она продолжила изливать душу:

– Я мечтала о мужчине, который способен заботиться. О мужчине, который с удовольствием проведет субботний день, читая мне вслух, который отвезет меня в Италию, когда погода в Лондоне испортится окончательно, и мы будем изучать работы старых мастеров и обсуждать их за чашечкой горячего шоколада под сенью старинного собора. – Хэтти бросила на него взгляд. – Вы бывали во Флоренции, мистер Блэкстоун?

– Да, – холодно ответил он, – доводилось.

– А вы читаете книги?

– Грамоте я обучен, – еще более холодно отозвался Блэкстоун.

– Я имею в виду романы. У вас есть любимый роман?

Его темные брови сошлись в одну линию.

– Нет, – признался он. – Я прочел «Как мы теперь живем» Троллопа, если это считается.

Значит, за всю жизнь он прочел только одну книгу – про меркантильные браки по расчету и финансовые интриги. Хэтти покачнулась.

– Боюсь, мы совсем друг другу не подходим!

Блэкстоун раздвинул губы в подобие улыбки, обнажив отколотый зуб.

– Смелее, – подбодрил он. – У нас еще десять минут – может, вы и узнаете что-нибудь для себя приятное.

Вряд ли. И оба понимали, что ей все равно придется его принять, если только он не совершил какое-нибудь страшное преступление вроде убийства королевской особы. Разумеется, ни в чем таком Блэкстоун не сознается, и цель их беседы – найти что-нибудь, способное хоть немного скрасить дни перед свадьбой. Жизнь Хэтти сделала странный поворот, но надо уметь и в плохом находить хорошее. К сожалению, до сих пор ответы Блэкстоуна лишь пугали Хэтти. А ведь что-то заставило ее поцеловать его – она целовала эти скупые на слова губы, причем с удовольствием. И что только на нее нашло?

Хэтти откинулась на спинку кресла и указала на кушетку.

– Присаживайтесь, если угодно.

Шотландец сел, и изящная мебель угрожающе заскрипела.

Хэтти решила спросить что-нибудь попроще.

– Как вас называли при рождении?

Похоже, вопрос оказался совсем не простым – Блэкстоун застыл как истукан и невидящим взглядом смотрел сквозь девушку.

– Меня зовут Люциан, – наконец проговорил он.

Люциан значит «свет». Видимо, у его матери была склонность к иронии. Или же дар предвидения: Люциан – Люцифер – Вельзевул. Хэтти содрогнулась.

– А как вы повредили зуб, Люциан?

Он рассеянно провел языком по губе над отколотым зубом.

– Боюсь, ответ вас шокирует.

– В нынешнем положении меня мало что может шокировать.

– Получил удар кулаком, – сказал Блэкстоун. – На одном из пальцев был перстень, причем тяжелый.

Хэтти испуганно дернулась, представив зияющую на губе рану.

– Значит, вы склонны к жестокости?

Блэкстоун задумался.

– Нет, – наконец ответил он. – Иногда жестокость находит меня сама.

– Многим джентльменам удается обходиться без этого.

Он посуровел.

– Я ни разу не тронул ни женщину, ни ребенка, – заявил Люциан. – И я никогда не подниму руку на вас – вы ведь об этом спрашиваете?

Так и есть.

– Я бы предпочла, чтобы мой муж никому не причинял вреда! Говорят, вы намеренно губите порядочных джентльменов.

– Да неужели? – вкрадчиво проговорил он.

– А как вы это называете?

– Скажем, они жили не по средствам – и поплатились.

– Большинство джентльменов так и живут; неписаное правило заключается в том, чтобы продолжать предоставлять им кредит.

Повисла тягостная пауза.

– Я пересмотрел свои взгляды, – наконец ответил Блэкстоун.

За ужином две недели назад отец Хэтти сказал то же самое.

– Вы сожалеете о том вреде, который причинили?

В его глазах вспыхнуло ледяное презрение.

– Нет.

Значит, лучше эту тему не развивать. Вероятно, он заранее для себя решил, насколько будет откровенен в Голубой гостиной. К дискуссии с подобным человеком Хэтти подготовлена плохо. Да что там, она вообще не готова к тому, чтобы соединить с ним свою жизнь!

– Говорят, вы создали состояние из воздуха, – решила она сменить тему. – Это правда?

– Из воздуха... – насмешливо повторил он. – Неплохая идея, но нет. Я разбогател на продаже векселей, и с тех пор мое состояние растет в геометрической прогрессии. Я продал акции компании, дела которой пошли в гору. Средства на их покупку я получил от сдачи в аренду и продажи недвижимости.

– А кто дал вам стартовый капитал?

Силы Хэтти таяли, ладони стали липкими, в желудке угрожающе ворочался херес. Она держалась прямо лишь благодаря удобной шнуровке на корсете, и Блэкстоун это заметил. Видимо, потому и решил удовлетворить ее любопытство.

– Когда мне было тринадцать, торговец антиквариатом с Лестер-сквер взял меня в ученики. Через несколько лет он умер, оставив мне лавку. Я ее продал и вложил деньги в недвижимость с более высоким потенциалом роста.

Хэтти имела некоторое представление о суммах, требующихся для капиталовложений, которые ее отец называл бы стоящими, и антикварная лавка – пусть даже на Лестер-сквер – едва ли тянула на то, чтобы позволить человеку проникнуть в высшие эшелоны финансовой элиты.

– Благодаря работе с антиквариатом я слегка приобщился к образу жизни богачей, – пояснил Блэкстоун с легкой насмешкой. – Похоже, у меня с самого начала были грандиозные амбиции, не соответствующие моему положению.

Амбиции вознесли его высоко, нужно отдать ему должное. Неужели Хэтти суждено стать драгоценным камнем в короне, обретенной столь безжалостно?

– Как насчет брачной клятвы? – задала девушка свой последний вопрос, опустив глаза.

Блэкстоун помолчал.

– А что насчет клятвы?

– Вы собираетесь ее сдержать?

Или собираетесь заводить любовниц и подвергать меня риску заболеть нехорошими болезнями и лишиться доброго имени?

Он молчал, пока Хэтти не отважилась поднять взгляд. Как ни странно, Блэкстоун отнесся к вопросу серьезно.

– Я человек слова, мисс Гринфилд, – заверил он. – И данную вам клятву сдержу.

Прискорбно. У нее не осталось приемлемой причины ему отказать. Хэтти медленно сложила и снова выпрямила дрожащие руки.

– У меня есть условия, – прошептала она.

Он склонил голову набок.

– Выкладывайте.

– Я хочу закончить учебу в Оксфорде.

– Весьма необычное желание.

– Как и обстоятельства нашего брака.

Блэкстоун размышлял бесконечно долго.

– Ладно, – наконец кивнул он. – Только не пять дней в неделю, разумеется.

Хэтти этого ожидала: он не производил впечатления человека, который довольствуется малым.

– Тогда четыре. Если уж на то пошло, в семестре всего восемь недель. – Она готова была сойтись даже на трех днях – столько удалось Аннабель выторговывать у Монтгомери, а Блэкстоун вряд ли более требователен, чем герцог.

– Пусть четыре, – неожиданно согласился он. – Что еще?

– Мне понадобится своя студия в доме и слово, что я смогу продолжить рисовать.

– Согласен.

– И еще я попрошу отца учредить доверительный фонд на мое имя.

Вид у Блэкстоуна стал скорее озадаченный, чем оскорбленный.

– Я вовсе не прижимист, если вы беспокоитесь об этом, – заверил он. – Мы с вашим отцом договорились о двух тысячах в год на мелкие расходы.

Две тысячи! Следует признать, для карманных денег сумма немаленькая.

– Пусть фонд тоже будет, – упрямо сказала Хэтти, когда к ней вернулся голос.

Изуродованный шрамом уголок рта дернулся.

– Прекрасно.

Конечно, он мог бы перекрыть ей доступ к деньгам, но Хэтти интересовала его реакция. Пожалуй, все понятно. Она встала, и он тоже поднялся.

– Я хотела бы закрепить нашу договоренность рукопожатием, – объявила Хэтти в надежде, что Блэкстоун наконец потеряет терпение, однако не дождалась – он протянул руку. Ловушка! Крепкая, горячая ладонь сжала ее пальчики, и ноги девушки едва не подкосились. Она застенчиво подняла взгляд. – Разве вы ничего не хотите узнать обо мне?

Блэкстоун сохранял деловой вид.

– Все, что нужно, я знаю.

Значит, ему все равно. Между тем Хэтти задала столько вопросов и при этом так ничего и не выяснила... Под влиянием внезапного порыва она потянулась к нему.

– Расскажите то, чего о вас не знает никто!

Ледяной взгляд слегка затуманился.

– Я уже это сделал, – наконец произнес Блэкстоун.

– Разве?

Он кивнул.

– Я открыл вам свое имя.

Хэтти опустила взгляд, признав поражение. И тут ему снова удалось ее шокировать: шотландец поднес руку к лицу Хэтти, коснулся большим пальцем подбородка и чуть приподнял голову. Их глаза встретились, и по телу девушки пронесся трепет. Блэкстоун хотел что-то сказать, затем передумал и молча провел костяшками по изгибу подбородка, по нежному горлу. Подобную ласку мог позволить себе любовник или муж – после такого бросает в жар, дыхание учащается. Блэкстоун наверняка почувствовал, как пульс под его пальцами забился предательски часто.

– Хэрриет, – прошептал он, – уверен, мы прекрасно друг другу подходим.

У нее не было и толики его оптимизма, и когда в распахнувшиеся двери влетели мать с Флосси, Хэтти невольно подумала: именно так могла бы выглядеть интерпретация античного сюжета в Лондоне тысяча восемьсот восьмидесятых годов. Аид в бархатном сюртуке тащит за собой Персефону, а та не вырывается и не визжит, лишь сохраняет вымученное самообладание.

Глава 9

Выйдя из шикарного особняка Гринфилдов, Люциан вспомнил фразу из романа Треллопа: «Похоже, есть все основания опасаться, что стоит бесчестьем обрести великолепие, как мужчины и женщины перестают питать к нему отвращение». С начала семидесятых годов все больше простых людей сколачивали баснословные состояния с помощью выгодных вложений и небывалой удачи в торговле. Это вызывало справедливую зависть и подозрения как у знати, так и у рабочего класса, ведь чудовищный экономический кризис пятьдесят седьмого года еще не изгладился из памяти. Мошенники продолжали сочинять финансовые схемы, благодаря которым богатели или, что случалось гораздо чаще, разорялись вместе с бесчисленными простофилями, чьи сбережения они потеряли. Те немногие, кому удалось обеспечить себе безбедное будущее, вешали свои флаги в районах, некогда считавшихся оплотом аристократии: в Белгравии, в Сент-Джеймсе, в Коутсволде. Подобные нарушения жесткой социальной иерархии, присущей Британии, вдохновляли писателей на создание романов вроде «Злодея», в которых фигурировали внезапно разбогатевшие герои. Казалось, богатство заслуживает уважения лишь в том случае, если нажито за счет других, обрабатывающих земли предков в поте лица своего. Добившись всего в жизни сам, Люциан полагал, что в этом есть доля правды – прохаживаясь по своим великолепным особнякам среди сверкающего богемского хрусталя, позолоченной отделки и мебели черного дерева, стыда он не испытывал. Вопреки опасениям Треллопа, Люциан ничуть не сожалел о своих прегрешениях, вытягиваясь после сытного обеда на чистой, мягкой постели. Он прекрасно помнил, сколько приходилось красть, шантажировать и мошенничать в юности, и не пытался себя оправдать. Да и зачем, если столько свиней лениво пируют у корыта лишь потому, что им посчастливилось родиться в богатой семье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.